Глава 9.

Ночь в детдоме.

Улица была безлюдна. Тихо шуршали автомобили, одиноко и не везде светили сонные фонари. В домах горел свет, из открытых форточек доносились обрывки фраз, звон посуды, болтовня телевизора. Где-то ругались, где-то пели песни. Город жил своей жизнью, не обращая внимания на двух голодных, усталых мальчишек. Что ему до них? Что могли сделать два маленьких ребенка для него, как могли изменить его жизнь?

У каждого из жителей это города и так куча своих проблем: нескончаемых, суетливых, навязчивых, радостных, - эти проблемы по закону расстояния кажутся огромными: они ближе. Роднее. Нужнее. Какое им дело до беспризорников? Незнакомых. Чужих… А ребята – они как воробьи: едят – когда придется, спят - где придется. Только вот у воробьев нет мечты о тёплых, ласковых руках матери и уютном доме…

- Антон, где мы будем спать? – повторил Славка.

- Не переживай, Славик. Я знаю тут одно место. Пойдем.

- Ох, Антон, ну и страшные же мы! Умыться бы где-нибудь…

Антон, задумавшись, не расслышал слов малыша.

- Слава, а помнишь, ты кричал, «Ребята, на помощь!», ты кого звал?

- Ну… Я думал, может если Юра с Денисом меня ищут, или они где-нибудь на вокзале…

- Постой, какие Юра с Денисом?

- Те парни, с которыми я ехал в поезде. Юра и Денис.

- Что за парни?

- Да они большие уже… Они в армию ехали. Хорошие… Юра добрый, Денис грустный, но тоже добрый. Они накормили меня бутербродами с мясом, вкусным печеньем и обещали помочь найти родителей и тебя… - и Славка коротко рассказал Антону, как он ехал в поезде в этот город.

Антон слушал внимательно. Потом спросил:

- Славик, а ты со скольки лет-то куришь?

Славка споткнулся. Поднял глаза на Антона, перевёл взгляд на кроссовки. И с трудом проговорил, глядя себе под ноги:

- Антон, я не помню. Ну как стал там жить, так и научился. А что, это важно, да? – тревожно спросил он.

- Да нет, что ты! Ну для тебя конечно важно, для твоего здоровья… Ох, и глупыш же ты, Славка! – Антошка быстро глянул на малыша. - Ты не обижайся только… Курение, это и правда ерунда - ничем не поможет, а здоровья поубавится… А я знал, что тебя найду!

- А мне так грустно было… Я один, ничего вокруг не знаю: куда идти, что делать… Хорошо, что те ребята встретились.

- Ага… Так, стоп. Улица Ростовская, да где ж она?! Вроде сказали в трех кварталах… Ну ладно, сейчас поищем.

Славка молча шёл рядом с Антошкой, держа его за руку. Не спрашивал ни о чём. То ли доверял ему безоговорочно, то ли просто не было сил задавать вопросы – так намаялся.

Антон внимательно смотрел по сторонам. Было совсем темно. Ноги уже отказывались слушаться, когда он, посмотрев влево, еле различил глазами бледную вывеску: «Ростовская, 1»

«Ох, сколько же ещё идти…» - подумал он. Остановился, поднял голову, посмотрел вдаль, в темнеющее наверху, но светлое на горизонте небо. И вспомнил, что когда-то такое уже было. Очень-очень давно…

Он и его отец, уставшие от прогулки, также шли по тёмным улицам их городка. Сонный Антошка уже почти повис на руке у папы и считал дома. Глаза слипались. Только свежий ночной воздух и радостное ожидание дома не давали ему заснуть. Кажется, они тогда возвращались с вокзала, с какой-то поездки. Дома ждала мама, Тошка ужасно соскучился по ней и всё спрашивал папу, когда же они придут. А папа отвечал тихо и спокойно, что скоро… И смеялся: «Антошка – торопыжка…» Антон как сейчас помнит его смех – тёплый, бархатный и такой, что тоже хочется смеяться вместе с ним… Папа, папа…

Сколько же ему было? Кажется, лет шесть или семь… «Как Славке» - подумал Антон. И также, как Славка сейчас, он в тот вечер шёл, крепко держась за руку отца - такого большого, сильного, надёжного…

Только сейчас нет рядом папы…Нужно держаться… Как-то самому защищать малыша. Но как?!

«Я ведь и сам чуть сегодня … - грустно подумал он. - Славка выручил… Что-то как-то непросто…И это ведь только начало… И Славка доверяет мне, вон как идёт тихонько и вцепился в меня – не выпускает…» Антон запрокинул голову и посмотрел вверх: там, в иссиня – чёрной бесконечности светлыми точками горели маленькие звёзды. «А ведь небо же, оно одно! Одно над всеми, быть может, сейчас мама с папой, или Шурка - тоже смотрят вверх…»

Стало спокойнее. И больше сил, словно небо поделилось ими…

Это здесь звёзд мало, а там где нет света из окошек и фонарей - их бесчисленные россыпи. И не сосчитать… И они со Славкой – как одни из этих звездочек…

Антон нащупал под майкой крестик, с молчаливой мольбой вглядываясь в темноту. Что-то рядом сказал малыш: он тоже стоял, запрокинув голову и в его глазах отражались два огонька. Братик.

«Мы дойдём?» - спросил у неба Тошка.

Небо молчало, подмигивая звёздами-огоньками. Дышало чем-то сильно далёким от земной жизни… Держись, Тошка…

- Антон, смотри какие звёзды! Я давно их не видел…

- Я тоже, Славик. Вон там, видишь, прямо над головой три яркие звезды – это летний треугольник. А там, - Антон указал на семь огоньков, - созвездие Большой Медведицы, оно похоже на ковш.

- Почему тогда Медведица?

- Ну, там ведь ещё очень много маленьких звездочек, которых здесь не видно. Если соединить их мысленно – получится рисунок медведицы. Про это созвездие есть греческая легенда, нам в планетарии рассказывали… И в школе…

- Расскажешь?

- Да… Только не сейчас, ладно?.. Нужно идти… Ой, а вон видишь, если от тех двух звёзд с краю ковша провести линию вверх, там, рядом с Млечным Путем увидишь созвездие Кассиопеи. Похоже на английскую W, а на русскую – М.

- «М»- Мама… Антон, а что такое Млечный путь?

- Видишь, полоска такая, похожа на облака, потому что там очень много звёзд. Наша галактика так называется.

- Антон, расскажешь мне все по порядку? А то я не понимаю: созвездие, галактика…

- Галактика, это… Ой, ну я потом расскажу…А вон там, видишь маленький ковшик, - Славка пристально смотрел туда, куда указывал Антон, - это Малая Медведица.

- Они вместе, да? Мама и Умка?

- Ага, и правда… А я и не думал так даже… Будет ещё одна сказка. На конце у ковшика – Полярная звезда. Она указывает на север. Это очень важный ориентир: другие звёзды меняют положение, а она - нет. Всегда в одном месте светит.

- Здорово, Антон, - вздохнул Славик, - смотреть так интересно…

- Да… Только поздно уже… Пойдём? Немножко осталось, потерпи.

- Ага.

Было уже совсем темно и холодно. Ребята прошли еще несколько домов, пока наконец не остановились возле невысокой ограды, без труда нашли ней дырку, подошли к дому. И увидели, что не ошиблись - на доме темнела табличка: «Детский дом номер 1». На углу высокого четырехэтажного здания была надпись: корпус один. Неподалеку, за детской площадкой было двухэтажное здание. Окна были тёмными, лишь в крайнем окне слева одиноко горел свет.

Антон подошёл к другому концу двухэтажного дома, к крайнему окну. Оно находилось выше его роста, метрах в двух от земли. Так, за что бы уцепиться, чтоб залезть?

- Славка, ты сильно устал?

- Ну так… Не знаю. А что?

- Надо залезть мне на плечи и постучать в окно пять раз.

- Антон, я смогу. Только держи меня крепко.

- Не бойся, буду держать, - Антон опустился на корточки. - Залазь мне на плечи. Руками опирайся за стену и медленно их переставляй. Так… - Он крепко ухватил малыша за

щиколотки и очень медленно стал вставать. Ноги отчаянно ныли. Антон закусил губу. Поднялся, прислонился спиной к холодной шершавой стене.

- Давай, Слава. Пять раз.

Пять коротких и резких щелчков зазвенели в тишине. Через полминуты он услышал скрип открываемой форточки. Напрягся.

- Это кто? - раздался шёпот.

- Ленька здесь? Я – Антон. Мы с братом переночевать, - ответил негромко Антон.

- Какой Антон?

- Ну с вокзала. Мы вечером виделись с Леней, Ваней, Васей, Саньком…

- Подожди.

Негромко пискнуло окно, через несколько секунд он почувствовал, что Славку тянут наверх. Привстал на цыпочки, отпустил его ноги. Славка зашуршал, посыпалась штукатурка. Антон отошёл от стены, посмотрел вверх - в окне виднелись две встрепанные головы: одна Ванькина, вторая ещё какого-то мальчишки. Ванька зашептал:

- Сейчас… Антон, ты только тихо и сразу ложись в кровать рядом с окном.

Мальчишки исчезли. Вскоре он увидел, как к нему опускается толстая веревка с узелками. Он взялся за край, подергал.

- Не бойся, все накрепко. Давай быстрей, - донеслось из окна.

Тошка ухватился одной рукой повыше, оттолкнулся ногой от стены, перехватил другой рукой… Почувствовал, как четыре руки вцепились ему в запястья, в ворот футболки. Оттолкнулся ногой, нечаянно стукнулся коленкой о подоконник. Подтянулся, лёг на него животом, перевалился и оказался в комнате. Быстро окинул её взглядом, увидел кровать, стоящую у стены возле окна, привычно отряхнул ноги и быстро забрался под одеяло.

- Антон, ноги подожми и накройся с головой, - услышал он шёпот рядом.

Скрипнула дверь. Тошка сжался и услышал негромкий женский голос:

- Ты чего, Ваня, всё лазаешь? Не спится тебе?

- Валентина Федоровна, жарко мне. Пусть проветрится.

- Ванечка, только недолго. А то другие замерзнут. Ишь, как раскрылись ребятишки. - Няня аккуратно укрыла упавшим одеялом спящего мальчика на кровати возле двери.

- Ужасно жарко, Валентина Федоровна!

- Давай-ка, Ваня, спи. Ты пока укладываешься, уже утро настанет.

- Спокойной ночи!

Ваня улёгся, отвернулся и засопел.

Антон лежал тихо и не шевелился. Вскоре кто-то отодвинул одеяло, и он увидел рядом Ваню.

- Не бойся, всё нормально, - успокоил его тот.

- А где Славка?

- Вон, на соседней кровати, у Костика. Слышишь, болтают?.. Ты спи. Я тебя разбужу завтра. Да штаны с рубашкой сними, чтобы постель не пачкать. Спи. Я Леньке скажу, что всё нормально, он скоро придет.

- Ага…

Тошка скинул футболку с майкой, скатал всё комок, положил с краю кровати. Сил говорить больше не было. Качало, гудели ноги, болели побитые бока и спина. Он закрыл глаза, вздохнул глубоко и стал проваливаться в сон. Уже сквозь туман почувствовал, как Ваня гладит его по голове и тихо шепчет:

- Устал, бедняга… Ноги, в чём они?.. Ну и ну… Спи Антон и ничего не бойся.

Ванюшка повозился, укладываясь. В спальной наступила тишина, слышно было лишь негромкое посапывание мальчишек. Усталые за день ребята спали кто как, отдыхая от дневных забот. И никто, кроме Вани, не видел, как тихо приоткрылась дверь, и в комнату заглянул Лёня. Ваня махнул ему рукой, Леня подошёл к кровати. Спросил шёпотом:

- Тут?

- Да! И вместе с братом. Нашёл его, значит!

- Спит?

- Спит. Он сразу уснул. Лень, он весь поцарапанный какой-то. Ноги в крови, на лице синяк. Лень, я боюсь, что он с Герцем повстречался… Глянь его одежду.

- Если бы повстречался, не пришел бы сюда, Вань… - Ленька взял скомканную одежду, развернул её и присвистнул.

- Ё-моё…

- Что?

Лёня не ответил, взял одежду и вышел из комнаты. Через несколько минут вернулся с аккуратно сложенными штанами и чистой толстовкой. Повесил их на бортик кровати.

- Завтра отдашь ему, если я вдруг не встану.

- Ладно, - ответил Ваня.

Лёнька снял с бортика кровати покрывало, укрыл им Ваню. Подошёл к окну, свернул веревку, отвязал её от батареи. Закрыл раму, оставил открытой только форточку. И также тихо вышел из комнаты.

Глава 9.

«Доброго пути!»

Луч солнца скользнул по белым одеялам, прыгнул на подушку, зажёг искорку на носу Костика. На его ресницах заиграли светлые золотинки. Костик зажмурился и открыл глаза. Улыбнулся. Сладко потянулся и сел на кровати, ногой нащупывая шлепанцы на полу. Ещё минутка - и он стаскивал одеяло со спящего Славки.

… Как показалось Славке – он только коснулся щекой подушки, как его уже будили. Он не успел даже почувствовать, что это значит - спать на постели. Впервые за долгое время! Он уже и забыл, что такое мягкая подушка и тёплое одеяло… Малыш открыл глаза и увидел рядом Костика.

- Давай же, засоня, вставай! Пора уже, – тормошил его Костик. Славик тут же вскочил, увидев, что тот собирается его щекотать.

- Тише ты! Кроссовки твои за дверью, иди умойся.

Славка беспокойно огляделся, но увидев у окна Антона, вполголоса говорившего с большим парнем, успокоился и пошёл умываться.

Антон очень удивился, не найдя своей одежды, но Ваня, который его разбудил утром, показал ему на краешек кровати:

- Лёня тебе отдал.

Антон подумал недолго и решил, что это, наверное, хорошо: старая одежда была порванной, и по ней ведь его искали. Он оделся, привычно запустил руки в карманы, нащупал там свернутые деньги, фотоаппарат и успокоился. Ваня тихонько ушёл за Лёней. А тот, когда пришёл, сразу сказал:

- Ты извини, я немного похозяйничал, не спросив тебя. Но в том, в чём ты пришёл, ехать дальше нельзя…

- Спасибо, - просто ответил Тошка.

Было ещё тёмно и ребята разговорились: слово за слово Лёня поведал Антону свою нехитрую жизнь, а Антон коротко – свою…

… - Сколько вы уже в пути?

- Четыре дня. Это если с тех пор, как я сбежал.

- Ясно. А долго ещё?

Тошка промолчал. Лёнька, прищурившись, смотрел в окно, где над серыми громадами домов поднималось солнце. Лучи разливали на облака жидкое золото, делая их из синих - оранжевыми, жёлтыми, да всех цветов радуги! Лучи золотили тёмные волосы Лени, освещали его бледное лицо, грели Тошкин затылок.

Таким и запомнил Леньку Антон: детдомовского мальчишку, который сейчас всем своим видом излучал спокойствие и уверенность в себе. В его умных карих глазах было всё: осколки печали и оптимизм юности, тревога и озорные огоньки, - но не было унижения и озлобленности, которую Антон видел в глазах Герца. Лёнька даже стоял по-другому и его осанке, свободных плечах, чувствовалась сила. Рядом с ним было спокойно.

Что это? И откуда она берётся, эта сила и уверенность в себе?

Антон не знал, но чувствовал, что кажется, будь она у него – легче было бы справиться с Кривецким и его дружками… А может, их бы и не было?

Кто знает… Но одно ясно точно, что это сила - не деспота. Может, это то, про что говорят: духовная сила?

Ведь не унижением других заработал Лёнька себе авторитет и уважение. А чем? Серьёзным характером? Который не сломался под трудностями… Тошка читал, как делали раньше мечи: сначала раскаляли их в печке, потом окунали в ледяную воду. И так – много раз. Такой вот меч очень трудно было сломать – невозможно! Может быть, и Лёнькин характер был похож на такой вот меч? Не каждый ведь сможет как он, два года скитаться по столичным подвалам… И остаться после этого не только живым, но и человеком… Как Лёнька сказал про это: «Я в свои четырнадцать лет узнал всё. И что такое низший слой общества… А ты знаешь, что это?» – «Нет, - покачал головой Тошка, - что?» - «Так говорят про людей, которых выкинули за борт, - Лёнька усмехнулся, - выкинуло…благополучное демократическое общество… Знаешь, Антон, дай Бог, чтобы ты никогда в жизни не узнал, что это такое….»

Чем - то был он похож на Шурку… Спокойствием? Добротой?

«Кем ты будешь? – спросил его Антон. Лёнька покачал головой: «Антон, я пока не знаю… Хочется в медицину куда-нибудь, но как? Пробиться трудно…» - «Ты пробьёшься», - почему-то Антон в этом не сомневался. Лёнька чуть улыбнулся, - «спасибо…»

Сейчас в его глазах светились две маленькие искорки утреннего солнца. Он стоял и смотрел на просыпающееся небо - залитый сиянием горизонт. Не поворачиваясь, негромко спросил:

- А денег тебе хватит?

Антон замялся, ответил через секунду:

- Думаю, да.

Лёнька быстро глянул на Антона. Потом сказал как бы через силу:

- Слушай, ну у тебя же должен быть мобильный номер родителей. Ты бы им звякнул что ли?

Антон пожал плечами:

- Бесполезно. Они не в России сейчас. Вернутся в июне, если всё сложится. А туда не дозвонишься, там со связью проблемы… Они мне сами обычно звонят, когда связь есть, да телефон-то украли…

Лёня помолчал, потом наклонился, поднял с пола небольшой пакет:

- Возьми. Здесь печенье и бутерброды. Позавтракайте в дороге… Не надо, Антон, - он твёрдо посмотрел ему в глаза, - с тобой Славик!

Антон молча пожал ему руку.

- Напишешь, как доедешь, ладно? Или позвонишь, - Лёня вытащил из нагрудного кармана бумажку, развернул её, быстро написал номер телефона. - Держи.

Пришли Костик со Славкой – умытым, с мокрыми сосульками волос, и очень довольным. Антон улыбнулся, взъерошил ему волосы, заглянул в глаза: смеющиеся и немного грустные, сказал:

- С добрым утром! Как спалось?

- Ой, хорошо-о! Антон, Костик мне дал носки, теперь удобнее! – Славка переминался с ноги на ногу в кроссовках и новеньких носках с футбольными мячиками.

Лёнька распахнул окно. Антон снова пожал ему руку, обнял маленького Костика. Вскочил на подоконник, прошептал ребятам:

- Спасибо вам! Костик, передай привет Ванюшке, когда он проснётся!

- Держитесь ребята! Доброго пути! – сказал Лёнька.

Антон ещё секунду помедлил, посмотрел на ребят: серьёзный Лёнька, худенький, взъерошенный Костя, с печальными бусинами карих глазёнок - в пыльной комнатке, залитой солнечным светом.

Он присел, и прыгнул вниз. Тупой болью откликнулась пятки, но Антон не обратил на них внимания. Встал, протянул руки, принимая Славку, опустил его на землю. Лёнька высунулся из окна и помахал рукой, рядом Костик поднял свою маленькую ладошку над головой, качнул ей и отвернулся.

- Пойдем, Славка.

-Да…

Славка дал руку Тошке, и не двинулся с места. Он стоял, запрокинув голову и всё ещё глядя в окно, и в серых глазах, сквозь солнечные капельки, светилось восхищение ребятами из детского дома, которые так ласково приютили его - сделали чудо.

Город просыпался. Пустынные дворы ещё не ожили людьми, однако пробуждение чувствовалось в каждой улочке: вот здесь солнечный зайчик скользнул по тёмному, ещё дремлющему переулку и прыгнул по ступенькам, здесь - ещё не работающий фонтан, с дождевой водой умывает голубей; на тоненьких ветках деревьев щебетали птицы, завели озорную возню воробьи - неугомонные жители любого города. А наверху, в голубом небе начинали носиться ласточки и стрижи, пронизывая воздух звонкими писками. На липких молодых ветках топольков разворачивались зелёные листики, на влажной земле зеленела трава с редкими солнышками одуванчиков, - всюду, в каждом движении города, в прозрачном, свежем дуновении ветерка ощущалась жизнь и весна. Чем-то праздничным веяло ранним утром от заспанных улочек. День обещал быть интересным.

Было ещё очень прохладно. Славка застегнул синюю Тошкину курточку, а Антон радовался Лёнькиной толстовке, и мысленно благодарил его: одежда пришлась почти впору, была лишь немного большевата в плечах.

Мальчишки молча шагали по пустым дорожкам. Солнце грело спину, и последние капельки боли, оставшиеся после вчерашней драки, таяли в этом тепле. Малыш зевал и улыбался, вертя головой и с любопытством разглядывая новые места. Антон думал о Лёньке, снова и снова вспоминая вчерашние события. Его отвлёк Славка:

- Смотри, что мне Костик подарил! – он разжал кулачок. На его ладошке блестел маленький значок.

- Ух ты, красота какая!

На серебристом фоне был отчеканен парусник. Легкий такой, аккуратный: тоненькие нити такелажа тянулись к небольшому корпусу, виден был даже маленький якорёк на цепочке. Корабль шёл, рассекая волны, и казалось, будто он летит: поднимались туго надутые паруса, над кормой искорками горели крошечные брызги. На тоненький бушприт тоже села искорка.

- Чудо какое! – удивился Антон.

- Ага, - заулыбался Славка.

- Это фрегат.

- Что такое фрегат?

- Это военный трехмачтовый парусник.

- Интересно! А какие ещё бывают?

- Ну разные… Бриги, бригантины, барки, клипера, шхуны… А самые первые были каравеллы.

- А какие они?

- Ох… Ну слушай… - И Антон стал рассказывать Славке всё, что знал парусниках и капитанах.

Так, незаметно, они дошли до вокзала. Здесь уже потихоньку кипела жизнь. Громыхали вагоны, гудели поезда, туда-сюда сновали рабочие. Кое-где толпились пассажиры, ожидая прибытия поезда.

- Электропоезд «Нижнереченская – Развилка» отправляется с третьего пути в семь часов пятнадцать минут. Просьба, будьте внимательны и осторожны… - оживился репродуктор.

«Наша!» - Антон отыскал глазами часы: большая стрелка показывала семь, а маленькая застыла между десятью и пятнадцатью минутами. На этот раз билетов покупать не стали. Антон спрыгнул с платформы, помог спуститься Славке. Ребята поспешно перешли через рельсы, забрались на вторую платформу. Электричка негромко гудела, потом вдруг медленно спустила воздух, скрипнули тормоза. Славка вздрогнул, Антон взял его за руку и быстро потащил к дверям.

- Осторожно двери закрываются! Следующая станция…

- Ой! – Антон подтолкнул Славку, прыгнул за ним. Двери с лязгом захлопнулись. Электричка стала медленно набирать ход…

В вагоне ребята оказались одни. За окошком неспешно проплывали дома, машины, но вскоре город кончился и взору распахнулись просторные поля. Колёса стучали нехитрую мелодию, в открытое окно врывался свежий ветерок. Нестриженые Славкины волосы разлетались в стороны: он стоял у окошка и внимательно наблюдал за дорогой. Антон размышлял, до какой станции им лучше ехать, вспоминая карту.

Затем он достал пакет, который сунул ему Лёня, вытащил из него бутерброды: несколько кусочков черного хлеба с сыром. Протянул один Славке. Некоторое время они наслаждались завтраком: Антон вспомнил, что он ничего не ел со вчерашнего утра и теперь спешил восполнить энергетические потери. Славка с аппетитом жевал, не отрываясь от окна.

Закончив есть, Антон снова посмотрел в пакет – там осталось печенье «на потом» и, ура! - маленькая бутылочка воды. «Ленька, друг, спасибо тебе!!!» - ещё больше обрадовался он.

Электричка мчалась быстро – летела навстречу новой жизни... И хоть дом был ещё не близко, километр за километром она уменьшала это расстояние. И Славка, как же хорошо, что он рядом и плохое позади!

Дуновение весны творит чудеса, пробуждая в каждом человеке любовь к жизни. Оно вытаскивает из тоски, расталкивает спящих, дарит силы энтузиастам и влюбленным. Оно пробуждает улыбку даже у самого грустного человека... Антон потихоньку стал напевать песенку. Славка прислушался. Потом попросил:

- Спой ещё!

Антон улыбнулся – впервые за долгое время и запел погромче:

- «Мы желаем счастья вам,

Счастья в этом мире большом…»

Закончив, посмотрел на Славку. Малыш сиял.

- Так здорово!

Антон покраснел. Славка продолжал:

- Слова такие хорошие. «Когда ты счастлив сам – поделись с другим…».

- Да…– задумчиво сказал Антон, - это ведь правда… Когда делаешь что-то доброе – так хорошо становится! Даже если это просто улыбка кому-то... Я помню, читал одну книжку про альпинистов, и там были такие слова: «Дари людям, всё что можешь: улыбку, радость, солнце»[1] …

- Ага... А сколько доброго можно сделать, когда хорошее настроение! – задумчиво сказал Славка и добавил, - и наоборот…

И Антон опять вспомнил Шурку: его стеснительную улыбку и тёплый шепот: «Антон, погляди, я тебе светлячка принес! Видишь, как он светится! Только ты его потом выпусти, он домой полетит….» Как он там сейчас, Шурка?

- Антон, а у тебя хороший голос. Ты, наверное, очень любишь петь?

- Ну… Да… - Антон загрустил. Вспомнил уроки музыки…

Глава 10.

Уроки музыки и разговор о войне.

… Зима. За окном почерневшие деревья без листьев. В классе жарко. Уныло горят белые лампочки.

- Так, ребята, а теперь давайте споём гамму!

- До, ре, ми… Ми! Белкин, вынь руки из карманов! Где твое «ми!»? Ну? Не пищи! Так. Давайте снова. Ой, ну с вами далеко не уедешь… Белкин, да встань же ты, наконец, спокойно!

За окном пролетают мелкие снежинки, ложатся и сразу тают на тёмной земле. Первый снег. Преподаватель стучит пальцами по клавишам, нетерпеливо что-то крича бедному Белкину, который не знает, куда себя деть и поет почти шёпотом.

«Ох, ещё полтора часа!» - Тошка зевает, но тут же вздрагивает от громкого «Ля!» и переводит взгляд на пианино: отлично настроенное пианино, с такими белыми клавишами. Сколько раз оно снилось ему! Он играл, пальцы бегали по этим чудесным белым клавишам! Но только во сне получалось услышать ту красивую, чистую мелодию, которая так похожа на полёт… Вот бы сыграть её, не во сне – на этом пианино…

В свободное время он тайком бегал в кабинет музыки, перебирая пальцами ноты, вслушиваясь в каждый звук, и пытаясь понять, как же получается гармония в их сочетании…

- Ветерков! – возвращает его к реальности строгий голос. - В облаках витаешь? Почему не поёшь?

Антон вздрагивает, смотрит на рассерженного преподавателя.

- Почему ты не поёшь? Ну-ка встань! Спой гамму.

Он встает под хихиканье задних парт, оглядывает класс, снова смотрит на преподавателя. Тот раздраженно ждёт. «Сейчас опять: до, ре, ми… По этим чудесным белым клавишам… Фу, нет!». И он звенящим голосом спрашивает. Решается.

- А можно я лучше песню спою? Можно?

Преподаватель весь вспыхивает, но сдерживает себя:

- Песню? Хор-рошо! Что будем петь?

- Прекрасное далеко. – Уже совсем тихо отвечает Тошка.

Эту песню он слышал всего один раз, в конце пятой серии «Гостьи из будущего». Он был в магазине, когда по телевизору показывали этот фильм. Самый конец, где высоким и чистым голосом пела девочка Алиса, прощаясь со своими друзьями…

Преподаватель сыграл вступление. Так, сейчас:

Тошка представил лужайку, усыпанную спорышом и ромашками, Шурку с аэропланом, тоненькую тропинку с откоса к речке…

«Слышу голос из прекрасного далёка,

Голос утренний, в серебряной росе…»

Преподаватель, Леонтий Аркадьевич вовсю играл проигрыш. Тошка пропел слова, которые навсегда врезались в память. От них по коже почему-то пробегали мурашки…

«…Слышу голос и спешу на зов скорее,

По дороге, на которой нет следа!»

Музыка делала невозможное. Она словно расширяла границы этой скучной комнаты. Она утешала. Она успокаивала… Она шептала, что это правда, что мечты – существуют… Неожиданно она кончилась. Неожиданной стала тишина. Даже, казалось, что снег за окном перестал кружиться. Леонтий Аркадьевич встал, вытер лоб, ещё раз оглядел Тошку.

- Мда… Что ж, садись, Ветерков… Впрочем, можешь идти. Тебе гаммы ни к чему… Спасибо, Ветерков.

Кто-то из ребят шептался с соседом, кто-то удивленно смотрел на него. Больше Леонтий Аркадьевич не вызывал Антона и, будто, не замечал его на уроках музыки. Лишь в конце четверти, в очередной раз сыграв гамму и отругав зазевавшегося ученика, попросил его спеть.

… А потом преподаватель сменился. Пришел добрый Максим Сергеевич. Он внимательно посмотрел на каждого, сел за фортепиано и сыграл небольшой весёлый этюд. Потом провёл рукой по клавишам и сказал:

- Ну, голубчики, давайте теперь каждый споет любимую песню. Кто первый?

Ошеломлённый Тошка смотрел на Максима Сергеевича, как на чудо. Не будет гамм? Или это он просто для начала так? Нет, кажется, перед ним был пианист - человек, который любит и чувствует музыку, потому что он не отходил от фортепиано, наигрывая мелодии, которые робко называли ребята…

Неожиданно Тошка услышал свою фамилию.

- А? – Вскочил он и встретился глазами со внимательным, ласково-серьёзным взглядом. Смутился почему-то и стал смотреть в пол.

- Ну-с, тебе что? – спросил его Максим Сергеевич.

Все песни куда-то вылетели из головы. А учитель ждал. Тошка напрягся и выдал первое, что пришло в голову:

-Можно «Крылатые качели», например…

Кто не смотрел в детстве «Приключения Электроника»? Тошка любил этот фильм, несмотря на то, что он несовременный. Он нравился ему, потому что в его бесхитростности и доброте была настоящая дружба ребят, которой не было в реальности…

Тошка волновался, однако его волнение улетучилось с первыми аккордами песни. Он представил быстрые ручейки, прозрачные сосульки, его любимые качели «Лодочки» в родном городе…

«В юном месяце апреле

В старом парке тает снег…»

Новый преподаватель превосходно чувствовал поющего. И петь было легко. Как-то сам собой его голос стал особенно звонким и чистым: Тошка пел, наслаждаясь и радуясь тому, что, кажется, нашел единомышленника…

Прозвучали последние аккорды. Антон не сводил глаз с Максима Сергеевича, Максим Сергеевич – с Антона. И в его глазах не было раздражения – они были тёплыми и добрыми.

- Спасибо… - сказал учитель. И тут же заулыбался ребятам. - А сейчас, как в анекдоте: «А вас, Штирлиц, я попрошу остаться…». Ого, как много сразу стало любопытных! - рассмеялся он в ответ на удивленные возгласы.

- Садитесь, - сказал он Антону. - Дело в том, что давно у меня живёт идея создать у вас в интернате музыкальный кружок… Поэтому, кто хочет научиться играть на фортепиано, петь или просто с пользой отдохнуть – милости просим. Будете стараться – будем петь вместе. Будете очень стараться – будем вместе выступать… Вот так.

Нужно ли говорить, что после занятия Антон подошёл к нему? Максим Сергеевич внимательно посмотрел на него и видимо прочёл в его глазах то, что Антон не мог выразить словами: восхищение, мечту, ожидание, потому как ни о чём не спрашивая, учитель заиграл быструю, лёгкую, временами тревожную, временами - нежную удивительную мелодию. Тошка смотрел на его худые пальцы: они так легко бегали по клавишам, и душа его пела, она двигалась вместе с мелодией.

Музыка теребила воспоминания, музыка манила в бесконечность, ту бесконечность, которую мы называем вселенной человеческой души или глубинами нашего сознания. Конечно, Тошка ещё ничего не ведал об этих глубинах, но чувствовал внутри что-то такое, что не мог объяснить: он трепетал вместе с музыкой. Пока ещё не догадываясь, что вместе с ней приоткрывается ему неведомый доселе мир самого себя: мир памяти, надежд, мир ожиданий, мир радостных открытий и поступков, мир мечты… И вот она кончилась, эта удивительная мелодия, и Тошка шёпотом спросил:

- Это что?

- Это Шопен…

Он вздохнул:

- Здорово…

… И понеслись чудесные в его жизни дни – дни музыки. После школы и обеда Тошка бежал в кабинет и оставался там до полдника, а иногда засиживался и до ужина. Время становилось медленным, словно весь мир ждал, пока Тошка научится играть.

Конечно, были и ошибки, но он очень хотел научиться, он интуитивно чувствовал гармоничные сочетания звуков, а Максим Сергеевич был терпелив и спокойно поправлял его. Когда бы не заходил Антон в кабинет, тот всегда встречал его с улыбкой, отрывался от книг, и говорил свое любимое: «Ну-с, начнем?». Однажды, когда он в очередной раз по просьбе Тошки сыграл полюбившегося ему Шопена, Тошка спросил:

- А вы пианист, да?

Максим Сергеевич рассмеялся своим раскатистым басом. Без насмешки, по-доброму так.

- Я - врач. Я же у вас здесь работаю…

К началу весны набралось несколько ребят, желающих научиться петь. Человек пять девочек и три мальчика. Почти всё свободное от работы время проводил с ними Максим Сергеевич, обучая их тому, что он умел сам. На занятиях было интересно, уютно, и никто не смеялся друг над другом… Может быть, потому что все были из разных групп, а, может быть, потому что Максиму Сергеевичу просто нравилось заниматься с детьми.

Они готовились к выступлению, хотели участвовать в конкурсе юных талантов, который проводился каждый год, и на который съезжались ребята из разных школ области. Но всё кончилось неожиданно: в конце марта Максим Сергеевич уехал. Уехал далеко, на Алтай, помогать сестре, которая осталась с тремя маленькими сыновьями – у неё заболел муж…

Прощаясь, он крепко, по-отцовски обнимал ребят и говорил им:

- Растите… Живите… Пусть у вас в душе всегда будет музыка. Не забывайте наши занятия… Когда вам будет грустно– слушайте классику: слушайте Моцарта, Шопена, Бетховена, Чайковского… Не смейтесь, это – вечное… Позже поймете, а пока – слушайте… Найдётся время – я обязательно постараюсь приехать навестить вас.

Прощаясь с Тошкой, он крепко пожал ему руку и сказал:

- Держись, сынок. В жизни много трудностей, но, после них мы становимся сильнее…

… - Вот так, - закончил свой рассказ Антон, - хороший был учитель… Хотя почему был? Он ведь жив, только уехал… Просто он у нас в интернате был один, кто нормально относился к ребятам…

Славка помолчал. А потом спросил:

- А он не вернулся?

- Нет, по крайней мере, пока я там был, он не приезжал…

- А что стало с ансамблем?

Антон грустно сказал:

- Ну что стало… Что бывает с ансамблями, когда у них нет хорошего руководителя?

Славка вздохнул:

- Жаль… Антон, а сколько ты получается жил в интернате?

- Я? Почти год…

… Они привели его в это сумрачное здание после солнечного моря, в августе… Тогда он не переставал радоваться, что родители уже давно не ссорятся и всё хотел, чтобы подольше это не кончалось. Но десять дней отпуска прошли очень быстро. А с ними закончилась и прежняя жизнь.

В интернате, куда они приехали, его потрясло всё: огромная комната, в которой живут дети. Много. Как это не похоже на его дом! Что-то общее со школой и детским садом… Шум, какие-то глупые насмешки, вопросы, разговоры – ему не хотелось ни с кем общаться, ему нужно было побыть одному! Уединиться и разложить мысли по порядку… Сначала он что-то отвечал, потом - устал, а потом нашёл выход – библиотеку. А там встретил Шурку…

Шурка не задавал ему дурацких вопросов. Никаких. Вообще. Он посмотрел на него, - Антон почувствовал, что сейчас забирается в панцирь, но Шурка сказал: «Хочешь я тебе картинки покажу?» Антон поспешно кивнул, а потом… потом даже смеялся над смешными рисунками… А потом Шурка предложил ему пойти поесть и Антон подумал, что жить, наверное, здесь можно… Правда для остальных он таки и забрался в свой панцирь. Нечего…

Но иногда тоска накрывала с головой. Вечером, осенью, когда в ярком свете ламп вспоминался дом. Далёкий. Его дом! Он стоял у окна, смотрел, как по серому асфальту детской площадки ветер гоняет золотые листья, вспоминал, нет думал, что дома он также,

глядя в окно, ждал отца. А сейчас – не придёт отец! И площадка не его… И город не его, и не стучит в окошко его тополь…

Тошка закрывал глаза, ещё немного и вот он – дом… Вот его комната с его тахтой-раскладушкой и огромной картой России на стене. Вот маленькая кухня, там что-то готовит мама… Нет! Его кто-то зовёт, но это не мама… У неё не такой резкий голос, не её… Он запихивает слёзы поглубже – в самую глубину души. И не оборачивается, продолжая смотреть, как скребутся по асфальту листья…

Антон встряхнулся, прогоняя те грустные воспоминания, а вместе с ними бесконечное, а потому - нестерпимое чувство ожидания. Они приедут и уедут, но не будет дома…

- Антон, а спой ещё?

- Давай… - и Антон негромко, но чисто стал петь Славке песни, которые он любил. Репертуар его был разнообразным: спел «Не стреляй» Шевчука, «С войны» Чайфа, спел всеми любимого Макаревича, и закончил песней «Последний бой», уж очень подходили слова к его настроению:

«Еще немного, ещё чуть-чуть,

Последний бой, он трудный самый…

А я в Россию, домой, хочу,

Я так давно, я так давно не видел маму…»

Славка сидел рядом и тихонько сопел, поглядывая то на Антона, то в окошко. А когда закончился последний куплет, малыш спросил:

- Антон, а про что эта песня? – серьёзно так спросил, без улыбки глядя на него внимательными глазами.

- Это… Про войну. Разве ты не знаешь?

Славка покачал головой:

- Я слышал её раньше, по телевизору… Про какую войну, Антон?

- Про Великую Отечественную… В которой воевали наши дедушки и бабушки.

- Ого, как давно! А ведь помнят ещё…

- Помнят… Славка, я думаю, что всегда будут помнить. Очень много людей погибло. Слишком страшная была война…

- Зачем тогда её вспоминать?

- Чтобы не повторилось…

Славка молчал – о чём-то думал. Покусывал нижнюю губу и смотрел в окошко. Потом повернулся к Антону, сказал тихо:

- Антон, я не понимаю.

- Что, Славка? – Антону показалось, что малыш сейчас заплачет.

- Почему… Много погибло?

- Ну… Потому что внезапно, потому что долго… И ещё – потому что жестоко. Война без правил. Много людей умерло в концлагерях и от блокады…

- Это что такое?

- Ох… Славка, это ужас просто. В концлагеря увозили обычных людей и мучили их там. А при блокаде – перерезали к Ленинграду все пути, кроме одного и туда было невозможно доставить еду…

- Антон… Но зачем?

- Славка… - он хотел было сказать «не знаю», но промолчал. Чувствовал: тут не отмахнешься… - Ну я попробую тебе объяснить… Был такой человек, Гитлер, он правил Германией. Так вот он внушил своему народу, что они – лучшая раса в мире, что они – избранные. Так легче всего управлять людьми. Они думают, что лучше всех, и это вроде как оправдывает их поступки... Заглушает совесть. Им разрешили безнаказанно убивать других, не «их расы, не таких, как они»…

- Но это же плохо! Они сами не понимали, что ли?

- А кто их знает… Есть такие, кто и сейчас этого не понимает и обвиняет во всём людей не своей расы. Это же легче всего – найти виноватого … Вместо того, чтобы самому разбираться… А кого-то просто пугали, кого-то заставили…

- Но зачем?

- Гитлер хотел захватить весь мир…

- Как весь мир? – прошептал Славка.

- Вот так… Просто есть люди, которые живут для других, когда радуются, делая хорошее… А есть и такие, кто радуется, нет, испытывает чувство удовлетворения, гордости, когда унижает кого-то… Вообще, их много, причин. Вот смотри, Германия – маленькая страна, а наша – огромная. У нас же столько земли! Столько полезных ископаемых! Вот Гитлер и положил глаз на наши богатства… До этого захватив все страны вокруг... – Антон подумал и добавил, - а расизм – это такое оружие. Идейное оружие – чтобы стравить людей между собой, они поубивают друг друга и освободится территория…

- Но это же наша территория!

- А ему захотелось больше.

- Ему что, места мало было?

- Ну, не совсем… Наши ресурсы – это же деньги. Он хотел жить побогаче. Посытнее… Ещё нам говорили, что эта была борьба двух сильных держав: нашей страны и Германии. Чья окажется сильнее, та и главная в мире.

- Но победили же мы?

- Да, Славка… И ещё и другие страны освободили… Но воевали пять лет! Я читал, что погибло двадцать миллионов, это несколько больших городов…

Славка молчал, смотрел на потрёпанные штанишки. Антон тоже замолчал, глядя в окно. Там были зелёные, зелёные деревья и светило солнце. И небо было синее… А ведь когда-то оно было багрово-чёрным от взрывов, это небо…

- Хорошо, что сейчас нет войны, - сказал Славка.

- Ага…

- Антон… Знаешь, а я бы тоже пошёл воевать. Потому что это ведь неправильно…

Антон молчал. «Славка, Славка… Хорошо, что сейчас нет войны…»

- Они тоже пошли, - тихо сказал он наконец. – У меня прадедушки там воевали… Да вообще, она каждую семью задела, та война… И каждый человек, даже дети, защищали

свою Родину. Не все воевали, кто-то шёл в партизаны, кто-то работал в тылу – делал бомбы и танки… Но каждый что-то делал. Для того, чтобы победить…

- Антон… Вот я часто слышал Родина, Родина… Но я не совсем понимаю, где моя Родина…

- Ох, Славка… Как тебе объяснить? Она везде. – Антон смутился, видя, что Славка, непонимая, заморгал. – Ну, это такой огромный дом. Крыша у него – небо, - вон, видишь… Стены – это леса, пол – зелёные лужайки. Это и есть, Родина… Тот кусочек земли, где ты живёшь, где живут те люди, которых ты любишь… Где ты вырос и потом, когда уезжаешь – очень скучаешь по нему…

Оба замолчали. Потому что каждый подумал о своём доме. А электричка стучала колёсами и мчалась вперед.

- Антон, - нарушил молчание Славка, - а расскажи ещё что-нибудь…

- А что рассказать, Славка? Ну хочешь, я тебе про лётчика расскажу? Раз уже про войну заговорили…

Славка торопливо кивнул.

- Ну слушай… Был такой военный летчик, Алексей Маресьев. Он сражался на военных самолетах. Однажды его сбили немцы, самолёт загорелся и стал падать вниз. Маресьев уцелел, но при падении повредил ноги… Он не мог ходить. А он один в лесу! И ни еды, никого… И неясно, кто в лесу – наши или немцы… И знаешь, что он сделал? Он стал передвигаться сначала на четвереньках, потом уже – ползти, потому что совсем не осталось сил… Он хотел есть. Он устал. Он измучился… Но всё равно – полз. И он победил! Добрался до своих – до маленькой деревни, она называлась Плавни. Его нашли два мальчика, они позвали людей… И его спасли, выходили. Но пришлось ампутировать ноги, потому что началась гангрена – такое воспаление, которое не умели лечить…Но даже после этого он выстоял, он встал на протезы и заново научился ходить… Это ещё ладно, он снова стал летать! Ему говорили: не сможешь, а он отвечал: «я же советский летчик!» - и смог. Стал воевать дальше. И сбивать вражеские самолёты… И многие не знали, что он летает без ног! Славка, я знаешь, что думаю… - и Антон не договорил.

Двери открылись и в вагон, покачиваясь, вошёл человек. Это был мужчина средних лет, невысокого роста, в свитере и потёртых брюках. Пройдя между рядами сиденьев, он

устроился неподалеку от мальчишек. Антон насторожился. Славка с беспокойством завертел головой.

Антон машинально посмотрел на окно: лес, лес… Однако, скоро должна быть станция: поезд уже давно едет без остановок…

- А что это вы одни здесь делаете? – вдруг громко спросил незнакомец.

Антон вздрогнул, быстро глянул на этого человека: судя по его нетвёрдой походке и громкому голосу, тот был немного выпившим. Однако, перехватив Тошкин взгляд, он посмотрел на него вполне трезво и долго. Потом хмыкнул, вытащил из кармана газету, аккуратно развернул её и остановился взглядом на какой-то картинке. Несколько секунд глаза его скользили по ней, изучая, потом он снова перевёл их на Антона. Антон отвернулся и встретился глазами со Славкой. «Давай уйдем отсюда!» - промелькнула в них тревожная молчаливая просьба. Антон пожал плечами и снова оглянулся на мужчину. Тот уставился в газету, но иногда посматривал на него. Газету он не перелистывал. Уставился в одну страницу так, словно он что-то рассматривал…

Внезапно Тошку осенила догадка, от которой ему стало холодно. Он взял свёрток, потянул Славку за руку, поднялся, быстро прошёл с ним в конец вагона и вышел в тамбур.

Электричка начала тормозить, и эта минута длилась вечность. Антон посмотрел в вагон и увидел, как незнакомец неспеша сложил газету и стал подниматься со своего места.

«Ну, давай же, тормози уже!!!». Антон почувствовал, как сжал Славик его руку. Сердце забилось маленькой птицей, которую посадили в клетку…

Неохотно зашипели двери. Антон, не дожидаясь, пока они откроются до конца, выскочил из вагона, подал руку Славке, помог ему выбраться. Не оглядываясь и крепко держа малыша, перебежал через платформу. Спрыгнул, подхватил Славка. И потянул его под платформу, вглубь неё. Прислонился к бетонной опоре и прислушался…

---

[1] – Ф. Свешников «Золотой ледоруб».

Глава 11.

Кто главнее?

Антон не знал, сколько они стояли под платформой. Промчалось несколько поездов – громыхая и загораживая свет. Наконец он решил, что, наверное, тот человек уже ушёл и не дождался их… Кто знает, что было у него в газете?

А когда они вышли на свет, то увидел, что это - небольшой полустанок. Недалеко по траве ходили козы, и даже было слышно, как где-то кукарекал петух! Деревня!

- Пойдём Славка. Немного пройдём от станции, а там где-нибудь перекусим…

С двух сторон от железной дороги были какие-то кусты. За ними – виднелись деревянные домики. Что впереди – было не совсем понятно, но идти им нужно туда…

- Антон, - сказал Славка, когда они вышли на тропинку, которая змейкой петляла между кустов и ёлок. - Антон, а как ты думаешь, кто главнее – мама или папа?

Антон даже споткнулся. Вот ведь малыш задаёт вопросы! Антон вздохнул, зачем-то посмотрел наверх, отметив про себя, что небо очень глубокое прозрачное, а значит – скоро уже полдень, потом посмотрел на Славку.

- Я думаю, что отец.

- Почему? – не унимался Славка.

Вот зачем малышу это понадобилось сейчас знать? Он-то откуда знает… Он просто чувствует, что у них – так… И всё же Антон сказал:

-Мама любит принимать решения и хозяйничать. Но без папы-то мы куда? Он вроде и говорит не очень много - больше слушает. Но если скажет – понимаешь, что значит так и будет…

- И ты не споришь?

«Да когда я спорил-то, - подумал Антон. – Сто лет уже толком не разговаривали…». Тогда разговор про интернат начал отец. Нет, сначала мама, она долго объясняла, рассказывала, а уже потом он разговаривал с отцом…

- Славка, да мы особо и не спорили-то… Советовались…

«Или не советовались? Или решение уже приняли до меня? А потом уже говорили со мной?» - Тошка почувствовал, как ухнуло что-то внутри, словно в пустоту... Но он-то был уверен, что он решил…согласиться. Потому что…

- Вот между собой они спорили, да… И даже ссорились.

- Ого, - Славка поднял светленькие брови, - даже так!

- Ну… Всякое было. Потом, правда, мирились. Я вот не понимаю, я никогда этого не понимал – зачем? Ходят все, маятся, и день - не день… И утро – не утро.

- А из-за чего?

Антон помолчал. Рано Славке ещё такое знать, не поймёт он. Или поймёт? Да какая сейчас-то разница… Сейчас они, наверное, и не ругаются уже, хотелось бы верить!

- Я всегда думал, что из-за денег. Хотя иногда из-за ерунды всякой…

Славка вздохнул. Посмотрел на Антона, а в глазах – сверкнули искорки.

- Мои если спорили, то мне сестра знаешь что говорила? – Славка улыбнулся чуть-чуть. – Милые бранятся, только тешатся…

Улыбнулся и Тошка.

- А сестре сколько лет?

- Ой, - Славка замялся. – Сейчас посчитаю…

Он что-то шептал и Антон даже успел разглядеть впереди домики, как малыш наконец сказал:

- Осенью у неё день рождения… И ей должно было быть шестнадцать. А сейчас, получается, уже исполнилось… - И погрустнел.

Никогда не знаешь, когда скажешь лишнего… Славка смотрел под ноги и молчал. И Тошка молчал. Неловкость притаилась рядом и уже готова была встать между ними…

Антон осторожно потрепал Славкины волосы.

- Славка, ты прости меня…

- Да чего ты, Антон! - почти сразу откликнулся малыш. – Всё нормально…

- Они найдутся! – уверенно сказал Антон. Почти твёрдо, но он очень старался, чтобы Славка не заметил этого «почти»…

«Найдутся…» - повторил он про себя.

Славка посмотрел на Антона и ничего не сказал. Но крепко взял его за руку своей горячей ладошкой.

Кажется, такое уже было. И не кажется, а точно было! Осенью, или зимой – когда он нечаянно спросил Шурку, где его родители. И тот молчал, долго-долго, Тошка подумал было что друг обиделся. И стало тогда не просто неловко – так тяжело, словно он увяз в чём-то тягучем и крепком. В зыбучих песках… И непонятно было, как выбраться и Тошка ждал.. Ждал и медленно погружался в эти пески. Понимая, что дома было проще… И ещё понимая, что он ужасный болтун и что, если Шурка сейчас обидится, то как же он без него-то будет?..

А сейчас, выходит, смог – без него?

«Эх ты…» - упрекнул он себя. Уже в который раз…

«Шурка, прости меня» - выдавил он. Так же, как и тогда. Так же, как и сейчас… Да что толку? Вряд ли друг слышит его – не придумали ещё устройство, которое передаёт мысли…

«Шурка, я поступил, как последняя скотина… Почему, почему я забыл про тебя?! Ты… простишь меня?..»

Тогда Шурка не обиделся. Просто сказал шёпотом, что не знает, где они. И как теперь быть…А сейчас? Как теперь быть?

- Антон… - позвал Славка. – Антон, не грусти!

- Ага, - откликнулся Тошка а сам подумал, - «Шурка… Ты видишь как… Но я его довезу, я постараюсь… А там мы что-нибудь придумаем… Как ты там, Шурка?!..»

***

… Валерий Карандашин, как человек, по своему характеру ответственный и заканчивающий до конца начатое дело, неутомимо продолжал поиски пропавшего мальчика. Дома он стал бывать всё реже. Звонить тоже. Он давно уже, после того, как в автокатастрофе потерял своего сына, подумывал о создании поискового отряда. Такого отряда, который объединял бы людей из области, другие маленькие группы добровольцев. Насколько упростились бы поиски пропавших детей! А тут как раз тот случай, который помог принять ему окончательное решение… Нужны были люди, много людей, нужно

было создавать базы данных, распределять округа, а самое главное – ходить и искать. Обшаривать подвалы, стройки, этот ужасный криминальный микрорайон гаражей, вокзалы, лес…

Людей было мало. Особенно не было общественной поддержки в поиске детдомовских и интернатских мальчишек. Почему-то не очень охотно поддерживались разговоры на эту тему: кто-то опасался этих ребят, кто-то не любил, а кто-то искренне считал, что в стране всё хорошо, и заботятся о них, как о своих детях… К малышам из дома ребенка ещё можно было встретить хоть какой-то интерес и сочувствие окружающих, а вот к ребятам постарше и подросткам – очень редко. Бытующее или навязываемое кем-то мнение, о том, что это подрастающее поколение преступников - отпугивало, отрезало и без того нерешительное желание помогать. И ведь многие, очень многие из тех, кого Валера считал порядочными людьми, верили, что это так, вместо того, чтобы пойти и разобраться, поговорить или просто посмотреть в глаза тем, кто лишен был одной из самых главных составляющих для нормального человеческого развития: привязанности. Любви и принятия их, возможности задушевно поговорить со старшим и близким человеком о тех законах, по которым живёт и развивается этот непростой мир.

Впрочем, это дело совести каждого человека. А его, Валерина совесть, не давала ему спать ночами, не давала ему обедать, когда он знал, что где-то, быть может, совсем рядом, умирает от голода потерявшийся пацанёнок. «Здесь мы ещё не искали» - вспоминал он, а утром, тихо, стараясь не разбудить жену, вставал, собирался и шёл по зябким предрассветным улицам хмурого города…

Супруга его полностью поддерживала. А что ещё ей оставалось делать? Были моменты, когда она обижалась, если он задерживался, не позвонив, или срывался по звонку среди ночи. «Я же волнуюсь! - говорила она, - пойми, для меня хуже всего это - неизвестность. Когда я не знаю, что там, с тобой…» Порой, несмотря на обиды, она давала нерешительные, но очень дельные советы. «А почему бы тебе не поговорить самому с ребятами из интерната? Может, мальчик советовался с кем-то, делился планами, да мало ли какие подробности могут знать они…» - как-то спросила она. Эта идея понравилась Валерию. Для этой цели он и отправился в интернат, решив сперва расспросить ребят, которые знали Антона, а потом уже и начальство.

Стоял солнечный, почти летний денёк. Ребятишки за высокой оградой бегали без курток и свитеров. На детской площадке стоял невероятный для такого маленького пространства, шум и возня: здесь были разновозрастные ребята, и те, кто постарше, залезали на самые

верхушки детского комплекса. Но не все играли - кто-то просто сидел на редких лавочках, уткнувшись в сотовые телефоны или слушая музыку. Валерий специально не стал надевать милицейскую форму: для начальства он ограничится удостоверениям, а ребят она будет только отпугивать. Миновав забор, он остановился неподалеку от детской площадки и стал наблюдать за детьми.

За этой бесхитростной игрой из другого мира можно смотреть часами. Когда смотришь, как играют мальчишки - невольно и сам ощущаешь себя ребёнком. И бывает, удивляешься мудрости человеческих отношений, от которых так далеко почему-то отошли взрослые… А иногда тебя потрясает детская жестокость, неосознающая саму себя, как нечто ужасное, а потому - очень печальное и опасное в своих крайностях производное человеческого равнодушия, гнева и безысходности. В счастливом обществе её нет. Есть детские драки и споры, не имеющие ничего общего с этой жестокостью…

Несколько мальчишек, что-то громко обсуждая, выделились из шумной кучи и остановились неподалеку от Валеры, прислонившегося к высокому тополю. Видимо игра очень увлекла их, потому что они не заметили его, продолжая что-то кричать. Через несколько минут один из ребят обернулся и замолчал, увидив любопытного прохожего. Валерий решил подойти первым.

- Привет! – улыбнулся он мальчишкам.

Те подозрительно уставились на него. Один из них, лет восьми, в коричневой толстовке и джинсах, с усыпанным лицом веснушками и независимыми, немного дерзкими зелёными глазами, спросил:

- А вы кого ждёте?

Валерий решил сразу взять быка за рога:

- Я из поискового отряда. Из вашего интерната пропал мальчик, Антон Ветерков. Ты его знал?

- Тошку-то? А кто ж его не знал-то, - отозвался парень постарше, поправив очки на переносице.

- Может быть, он говорил вам что-нибудь о побеге? Куда собирался бежать?

Ребята покачали головой.

- А говорите, что знали…

Парнишка в очках возразил:

- Он очень скучал по родителям. Но родители в командировке… Про побег он ничего не говорил… Может просто погорячился после разговора с завучем…

- Ещё бы… После такого… - вздохнул зеленоглазый мальчишка.

- А что там было «такого»? – спросил Валерий.

- Ну чего, чего – ругали его. За то, что подрался…

- Фотоаппарат там какой-то, деньги ещё у него взяли, он ведь не просто так!

- Да что ты говоришь, ругали, - оборвал их худой смуглый мальчик в спортивном костюме. - Травлю устроили просто.

- Да какую травлю-то… Просто всех ребят собрали, чтобы разобраться, а те стали над ним прикалываться, он и сбежал.

- Кто прикалываться? Какую травлю? – пытался разобраться Валера.

- Те дружки его давно доставали. Странно, что завуч и директор были на их стороне и тоже стали наезжать на Антона, будто бы он тут нарушитель порядков…

- Тошка? Да какой он нарушитель, - возмутился младший парнишка, - просто он домашний какой-то. Мамин сын…

- А Кривецкий всех достал уже. Только вот начальству он почему-то нравится… - вздохнул смуглый мальчик.

- Ну, а кто из вас, может быть, поближе его знал? Дружил с ним?

- С кем, с Кривецким?

- Да нет, с Антоном!

Ребята помолчали, наконец, кто-то из них крикнул, и все поддержали:

- Ой, Шурку сюда надо! Они с ним вместе всё ходили. Болтали о чем-то, самолетики строили, ещё Шурка за него заступался.

- Слушай, сгоняй ты за ним! Он у себя в комнате сидит, в моём телефоне играет.

- Ну так ты и иди!

- Да мне в ломы идти…

Валера встретился глазами с восьмилетним мальчиком. Глаза его уже были сочувствующие, сквозь дерзкие огоньки горело желание помочь…

- Как тебя зовут?

- Женя.

- Женя, сходи пожалуйста, позови Шурку. Может, он что-нибудь подскажет…

Женя кивнул и убежал.

С полминуты мальчишки стояли молча, потом, видя, что Валера их не спрашивает, снова ушли на площадку, затевая какую-то понятную только им весёлую игру.

«Что за Шурка? Может ли он что-то рассказать? Если ребята говорят, что друг – может хоть он объяснит про последнюю стычку Антона, да и вообще, что это за человек такой, кто его родители, и почему он оказался в интернате…» Интуитивно Валера чувствовал, что от него он узнает больше, чем от занятого и усталого директора…

Двое ребят вышли из серого здания, спустились по ступенькам. Издали Валерий узнал Женьку и мальчика постарше его. Тот неохотно шёл, что-то говорил, покачивая стриженной ежиком головой на тоненькой шее. Какое-то неясное волнение отозвалось в милиционере, когда он увидел этого парня и чем ближе подходил тот, тем сильнее нарастало волнение. «Что такое?» - думал Валерий. Что-то до боли знакомое было в этой походке, в этом вот упрямом покачивании головой, в этих оттопыренных ушах…

Зазвонил мобильник в кармане. Валерий с досадой достал его и нажал кнопку сброса, потом лишь увидел, что звонила жена. «Ладно, потом позвоню», - подумал он и услышал тоненький голос Женьки:

- Вот он, Шурка.

Мальчик поднял свои глаза на милиционера. Валерий молчал – он не смог говорить. А Шурка всё смотрел, смотрел на него, не отводя взгляда. Острый подбородок, печальные зелёные глаза, в которых теперь нарастала догадка, недоверие, радость, недоверие…

- Сын… - тихо произнес Валерий. Опустился на корточки, прижал к себе худые плечи. Он всё еще не верил, в то, что это правда, - Сашенька, сынок!

И услышал этот звенящий, такой родной, такой далёкий голос, который он не надеялся услышать больше:

- Папа! Это ты, папа? Папа, ты нашёл меня!

Глава 12.

Вспышка.

Так случилось, что отыскивая чужого интернатского парнишку, Валерий нашёл своего сына, Александра.

… Шурка невыносимо устал от глупых насмешек, косых взглядов девочек, придирок воспитателей, устал от одиночества. В интернате, куда он попал после больницы, он не знал никого. Да и себя-то он толком не знал – не помнил. И родителей… Нет, отца помнил немножко, его голос. Густой сильный бас, тёплый и родной, иногда ему снился… А где они и что с ними – нет. В памяти осталась лишь жёлтая вспышка, после которой - темнота. А дальше – интернат. Каждый день он пытался найти в себе какую-то зацепку. Каждый день он, как, и многие здесь, ждал своих родителей и верил в чудо.

Ради чего он здесь? Почему? Что, что такое произошло с ним? Найдет ли он когда-нибудь ответы на эти вопросы? В толпе он был один. Пока не познакомился с Тошкой. А тот сказал:

- А ты просто живи. И все дела!

И Шурка стал жить. Тошка за уши вытащил его из тоски. И он стал придумывать самолеты. Стал рисовать, ещё больше. И делиться своими тайнами с другом. И оказалось, что жизнь – она ведь не серая, а красочная…

С Антоном он вспомнил мамины глаза: такие добрые зелёные, с коричневыми крапинками. Почему-то он верил, что родители у него живы, хотя здесь ему сказали, что нет. И ещё он пытался вспомнить, почему же он так боится машин, казалось, что разгадка где-то рядом, что стоит немножко прислушаться к своей памяти - и вот она…

И тут Тошка исчез. Сбежал. И тоска навалилась вновь. Потому что…

Потому что никого у него не было в этом мире. И вспоминать стало неважно. Шурка продолжал ходить в школу, кушать, что-то отвечать ребятам – но зачем? Кому он нужен здесь?

Иногда он был нужен ребятишкам помладше – те просили его, чтобы он им что-нибудь нарисовал смешное. И он рисовал, правда, не очень-то радостными получались картинки и карикатуры. Ребята его любили – он не обижал младших, не смеялся над ними, иногда заступался за них…

Дни тянулись, как жевательная резинка. Шурка иногда брал у Артура - смуглого парня из старшей группы, его мобильник – поиграть. Гулять он не выходил, зачем? Тошки ведь все равно там нет… От ребят он слышал, что его не нашли…

На Кривецкого он перестал обращать внимание. Пару раз сильно подрался с ним – за Антона. Больше его компания к Шурке не приставала. «Чокнутый» - доносилось до него из-за угла…

Один из таких вот весенних дней выдался особенно солнечным и тёплым. Солнце согревало, успокаивало, делилось капелькой надежды… Какой?

Вернувшись из школы, Шурка сел рисовать. Ни для кого, для себя, почему-то именно сегодня для него было важно достать и выложить на бумагу все накопившееся чувства и обрывки воспоминаний. Он достал из шкафа пастель, маленький альбомчик и надолго забыл обо всём, что было вокруг него, погрузившись в тот неизведанный мир, который философы называют миром человеческого Я…

Он почти нашёл ответ, какая-то поездка вспомнилась ему, и это воспоминание почему-то казалось для него особенно важным. Как вдруг в комнату вошёл Женька – приставучее и неугомонное создание, и Шурка понял, что рисовать дальше смысла нет. Потому что сейчас начнется….

- Шура! Тебя ищут и хотят с тобой пообщаться!

Он растерянно заморгал. От удивления забыв закрыть альбом.

- Кто?

- Не знаю, дядька какой-то. Сказал что из поисковой группы. Что-то хотел спросить про Ветеркова… Ой, а что там такое красивое, - конечно он уже успел заглянуть в его альбом.

- А-а… - потерянно произнес Шурик, снова чувствуя привычное опустение внутри себя, - ой, да не смотри ты! Убери свои глаза с моего альбома!

И встал.

– Ну, пойдем…

Женька уже был в дверях:

- Пойдем скорее.

Зачем скорее? Шурка нехотя пошёл за малышом.

- Шурик, а ты войну рисовал? – спросил тот.

- Чего? Какую войну! Ой, да отстань ты, - отмахнулся Шурка. - Зачем ты подглядываешь? Лучше скажи, что ему надо от меня?

- Я же говорю, он про Антона спрашивал. Говорит, может, с кем планами делился, куда сбежит или ещё чего…

Шурка покачал головой:

- Какими планами? – а про себя подумал: «Ага, сейчас, стану я делиться Тошкиными планами с незнакомым мужиком…» И увидел, как возле тополя, их с Тошкой тополя, стоит высокий рыжеволосый мужчина в светлых брюках и рубашке, уткнувшись в телефон.

- Вот он, Шурка, - сказал Женька, - и Шурка встретился глазами с мужчиной. Так, где-то он их уже видел… И не где-то, а точно видел…

Нет, не может быть!

- Сын…

Этот голос Шурка узнал сразу. Даже такой тихий и охрипший.

- Сашенька, сынок, – мысли обожгло воспоминанием. Оно волной накрыло его. Сквозь эту густую волну он услышал снова этот голос, - Саша, ты живой!

- Папа… - Только и смог ответить он, пытаясь как-то совладать с нарастающей в сердце радостью и всё ещё боясь поверить в то, что, – ты нашёл меня, папа?!

… Женька убежал. Наверное сейчас всем разболтает… Ну и что? Шурка, или как его звал папа, Саша, сидел на скамейке рядом с отцом и крепко, двумя руками держал его за тёплую, волосатую руку. Молчал.

Другой рукой отец обнял сына. И тоже молчал. Они смотрели в небо – там тихо и неутомимо плыли куда-то плотные белые облака… Солнце расширяющимися книзу лучами, прошивало их густую толщу и растворялось в дымке весеннего города. Весело трещали в песке воробьи. Сашка молчал. Он боялся спугнуть свое счастье.

… - Значит, говоришь, что вспышка? И всё? – спросил папа

- Нет. Я сегодня вспомнил, пока рисовал, мы ехали куда-то на машине. Я рисовал тогда в маленьком блокноте. Внезапно ты вскрикнул и потом всё… Пап, это была авария?

Папа молчал. Не знал Валерий, как рассказать сыну о страшной аварии, которая разлучила их на три года… Как рассказать о своей вине, о том, что не успел съехать со встречки, что сам не знает, каким чудом они остались живы. О том, что когда он пришёл в себя не увидел рядом ни жены и ни сына. И как долго потом искал жену, а сына найти так и не смог… Потому что скорая опоздала, и привези его часом позже случайные прохожие – не сидел бы он так на лавочке сейчас и не наблюдал бы за воробьями… Вероятнее всего, что подобрали их разные люди, которых он даже не смог разыскать, чтобы просто поблагодарить… О том, как, работая в милиции он оказался бессильным, владея кучей адресов и паролей, но не зная адреса родного сына…

Сашка снова что-то спросил. Валерий через силу ответил:

- Да, сынок, авария… Прости меня, сын… - и замолчал.

Саша впервые видел, как плачет взрослый мужчина. Его папа плачет! Почему? Ему было отчаянно неловко, он молчал, глядя, как по худым отцовским скулам проделали борозды две крупные слезинки. Потом спросил тихо, с замирающим сердцем:

- Пап, а мама, она жива?

- Да, да, - поспешно сказал отец.

А потом он увидел её… Не сразу увидел – после вопросов, которые стеной встали вопросы в кабинете директора. Но они были недолгими.

- Простите, вы кто?

- Я его отец.

- Но у мальчика нет родителей. Они погибли в автокатастрофе. Если вы хотите его усыновить, то…

- Это ошибка. У вас нет доказательств того, что мы погибли. А мы наоборот, живы и здравствуем… Да сейчас решается всё очень просто. Один ДНК-анализ на отцовство и всё станет ясно. Это, если вам не хватит документов, фотокарточек, мамы, мнения ребёнка.

- Хм… Пока мы будем всё оформлять, мальчику придется еще побыть здесь…

-Нет! - этого Шурка выдержать не мог. - Вам мало одного Антона? Вы хотите ещё?!

Такого злого блеска в глазах у директора он ещё не видел.

- К слову об Антоне, разрешите представиться: Карандашин Валерий Алексеевич, майор милиции и начальник поискового отряда. Есть несколько вопросов, на которые мне хотелось бы получить ответы…

Сашка впервые увидел, как директор «осел». И чего он его раньше так боялся?

- Что вам угодно знать?

- Мне угодно знать, почему в личном деле мальчика нет номеров сотовых телефонов родителей.

- Э-э…

- Почему вы ещё не оповестили их?

- Они в командировке за границей.

- Ну и что? Можно мне от вас получить письменное объяснение происходящему?

- Зачем же так сразу, - глаза директора тревожно забегали по столу. - Сейчас, - он достал папку, неподалеку лежащую на столе, - вот… Здесь есть стационарный домашний номер в России. Ещё интернет-почта… Вот, смотрите сами…

- Вы звонили по этому номеру? Писали на почту?

Молчание.

- Ясно. – Папа поднялся, захватив папку с личным делом. Вы сейчас мне делаете ксерокопию. Пока я вам несу документы, подтверждающие личность моего сына. Вернее, моя супруга. Заодно и её спросите…

Ожидание превратило минуты в вечность. Словно часы остановились. Шурка прислонился спиной к стене и ждал. «Как там Антон? - думал он, - куда же всё-таки он исчез? И не расскажешь даже…» Как вдруг услышал робкий женский голос в конце коридора:

- Валера, я пришла…

И резко обернулся. Ожидание лопнуло, словно шарик – взорвалось. Потому что там была мама.

Ну кто, кто сказал, что он забыл мамин голос?! Он мог её забыть?!

Шаг, другой… Сначала медленно, а потом – не удержался – побежал.

- Саша!!!

Шурка растворился в маминых объятиях. Весь и сразу… Он грелся и чувствовал, как нежно она перебирает пальцами его волосы… .Как гладит его по спине… Так хорошо… Сегодня он проснулся и даже не знал, что ждёт его такое счастье… А оно – вот… Пришло…

Совсем не хотелось оборачиваться на чей-то голос. Нехотя Саша повернулся, и увидел в дверях директора, папу… Почему-то совсем расплывчато… Он что, умеет плакать?

… Они пообедали в интернатской столовой, хотя Сашка и не хотел, но папа, внимательно посмотрев на него, сказал, что тот не доедет до дома в таком виде. Пришлось послушаться, да ведь это было и в радость. Скоро он будет дома. Дома!

Когда они спускались по ступенькам, мама спросила:

- Сынок, а ты со всеми попрощался?

Сашка ответил, глядя на тополь:

- Мне не с кем прощаться…

Глава 13.

Тошкины молитвы.

- Славик, ты сейчас зайдешь в этот магазин, купишь там буханку хлеба, бутылку молока и спички. - Антон протянул Славке несколько мятых купюр. Оставшиеся деньги он сунул было обратно, как вдруг нашёл в кармане какой-то листок. Что это? Достал его, развернул и охнул: в кармане толстовки, откуда-то взялась ещё тысяча рублей! Антон в недоумении посмотрел на Славку. Потом на деньги, потом снова на малыша.

- Антон, ты чего? – встревожено спросил Славка.

- Не, ничего... Ты иди в магазин, я здесь подожду.

Малыш кивнул и скрылся за скрипнувшей дверью магазина - приземистого деревянного домика, на котором желтела новенькая вывеска «Булочная».

… Тропинка вывела их к деревне. Печенье они сжевали по дороге и решили не останавливаться, а пройти ещё немного – до окраины. И наткнулись на эту булочную - запах хлеба, который окружал этот домик, не дал им идти дальше…

Антон прислонился к тёплым от солнца, потрескавшимся от времени и дождей, доскам. Пахло не только свежим хлебом - влажной землёй и чем-то таким, дорогим сердцу и давно забытым. Здесь всё вокруг было таким уютным и простым, что казалось, будто ты огражден от неприятностей и бед. Возникало какое-то стойкое чувство безопасности.

Хотя, надолго ли оно? Это всего лишь временный полустанок их дороги, маленький привал для того, чтобы поднабраться сил.

Маленький привал и большое спокойствие. Антон улыбнулся солнцу, которое так заботливо согревало его сейчас, и беззаботное настроение всё же взяло вверх: он никогда не был в деревне, и в первые же минуты его потрясла открывшаяся вольница и тишина. Всё вокруг: и аккуратные резные узоры на деревянных одноэтажных домиках, и коровы, бродившие по дорогам, которых тут объезжали редкие машины, и старушки, мирно беседующие на лавочке у зелёного деревянного забора, и пыльные обочины, поросшие нескошенной травой, спорышем, подорожником, и одуванчиками, - всё это рождало в нём такое мирное состояние души, которого не было в городе…

Почему в деревне возникает такое чувство, будто мы что-то потеряли? Словно забыли что-то важное и нужное в погоне за благами цивилизации... Что?

Ведь жизнь в деревне – это не курорт… Всё лето, весну и осень проводят здесь на огороде и полях, заготавливая дрова и еду, для того чтобы перезимовать… Отсутствие некоторых удобств усложняет жизнь… Тогда откуда - желание остаться здесь? И почему именно здесь появляется это мощное чувство спокойствия, мира и - безмятежности? Такое, что можно вздохнуть и оглянуться вокруг, и увидеть, какая же она, оказывается, красивая - наша страна!

Широкие поля, леса до горизонта, которые сливаются с просторами небес, птицы, парящие в потоках тёплого воздуха, пахнущего сеном, землей, хлебом, деревом… И ничего не давит, как в городе, где среди высоких домов чувствуешь себя ненужным и маленьким. Хотя здесь, среди просторов, ты тоже ощущаешь себя маленьким, но здесь ты словно сливаешься с огромным миром и от этого делаешься сильнее и увереннее в себе…

- Вот, Антон. А денег она не взяла за молоко, только за хлеб и за спички, - Славка сиял, - такая добрая бабушка!

- Как не взяла?

- Ну, она меня назвала сыночком, а потом говорит, «а хочешь я тебе ещё молочка дам, только что вот от коровы принесли?» Я говорю, что да, хочу, мне как раз нужно его купить. А она говорит: «Не надо ничего, я тебя угощаю. Ты как мой внучек». Я её спросил про банку, а она рукой махнула…

- Да уж… Спасибо ей! – Антон посмотрел на окошко булочной. - Пойдем, поищем местечко, где бы перекусить…

- А может, мы молоко тут выпьем?

- Ой, а давай! Сразу и банку отдашь…

Славка не стал дожидаться, пока Антон договорит. Обхватив банку двумя ручонками и жадно глотая, он отпил половину. Две белые струйки стекли по подбородку на майку, Славка даже не заметил. Протянул банку Антону, довольно крякнул:

- Пей!

Антон сделал несколько глотков. Вкусно! Дал остатки малышу:

- Допивай. Я не хочу больше…

Хотя на самом деле, он выпил бы ещё пару таких вот банок.

Славка отнес банку и через минуту вернулся довольный:

- Антон, она меня ещё конфетами угостила!

- Ты хоть спасибо-то сказал?

- А то как же… Антон, - вдруг погрустнел он и протянул его за рукав, придвигая к себе, и сказал вполголоса. - Там у неё на прилавке газета лежала, с краю. Я глянул, а там - ты!

Тошка почувствовал, как по спине пробежали мурашки, машинально оглянулся на дверь, хотя рядом, кроме них, никого не было.

- Пойдем, Славик, отойдем подальше от домов, передохнем и перекусим…

Малыш напоследок посмотрел на уютный домик с доброй старушкой. Не так уж и часто так ласково обходились с ним. Хотя после того, как он познакомился с Антоном, ему стало больше встречаться хороших людей... Правда в последнее время, он стал уставать, иногда по утрам не хотелось просыпаться. Но это было не страшно, чтобы быть с Антоном, он мог потерпеть. Были моменты, когда живот очень болел от голода, но и раньше-то он не всегда ел.

Славка вспомнил, как, бывало, осенью выходил к берегу реки, недалеко от заброшенной стройки - там местные мальчики пекли картошку… Они были разного возраста, но старше него. По их отрывочным фразам, которые он слышал, по их аккуратной одежде, ясно было, что у них есть родители. Славка робко подходил к костру. Он ничего не говорил, наверное, голодный взгляд был красноречивее слов: ребята сразу давали ему горячие картофелины, поджаристые корочки хлеба и иногда - такие вкусные сочные сосики! Если ему предлагали сесть – тихонько садился и слушал непонятные ему рассказы. Они завораживали его своей правдивостью и тем, что они были из той жизни, которую потерял он.

Как-то его спросили: «Как тебя зовут?» - «Слава», - ответил малыш и стал смотреть вниз, - «А где твой дом? Мы тебя раньше не видели…» - «Я не знаю» - прошептал он и замолчал от смущения. Что он мог им ответить? Нет, совсем ему стало неловко, среди такого количества любопытных и захотелось уйти. Но голод был сильнее и Славка перевел взгляд на горячие и такие аппетитные пирожки, а когда его угостили - шёпотом сказал «спасибо» и отошёл в сторонку…

Иногда он стоял и смотрел, как весёлая ребячья стайка гоняет мяч на песчаной отмели… Иногда даже играл с ними, если не хватало человека… Пока не наступила зима. И стало совсем плохо: порой, целыми днями он не выходил на улицу, грея озябшие пальцы у маленького костерка, который разводили тут же, на полу. На улице замерзали ноги в маленьких ботинках, леденели руки, когда он запахивал большой пуховик, остывало сердце… Оно и так остывало – от одиночества. Люди, которые здесь жили – иногда перекидывались с ним несколькими словами, делились едой. Но и ждали помощи: таскать тяжелые ящики, разбирать в них какие-то бутылки, одежду… Так он и жил, и не знал, старался не думать, что будет дальше…

Как же это замечательно, что его нашёл Антон! Славка улыбнулся, прогоняя грустные мысли: всё, это прошло. И сейчас – так хорошо… «Эх, был бы он моим братом!» - подумал он, хотя про себя так его и называл… С ним он готов был идти куда угодно, бесстрашно – потому что бояться он не умел. К темноте он привык, а о многих вещах просто не ведал. Хотя нет, одного он боялся – снова потеряться… Поэтому всегда старался держаться поближе к Антону, а временами, незаметно для себя самого, крепко брал его за руку.

… Молча шагали ребята по пыльной дороге. И, никто из людей: ни проезжавший мимо на тракторе мужик, ни компания детей, которые куда-то бежали - не обратили на них никакого внимания. Может, кто и бросил на них мимолетный взгляд, да не заметил в двух похожих светленьких мальчишках ничего особенного: подумаешь, два брата, ну грязные чересчур - так это ж мальчишки! Да и шли ребята довольно быстро, не замедляя шага и не оглядываясь назад.

Вскоре, миновав последний, одиноко стоявший на окраине кособокий домишко, они уже шли по опушке леса. До мальчишек доносился бурлящий говор воды: где-то недалеко текла река. Ещё несколько минут они шли на это шум и вот, впереди показались её сверкающие потоки. Славка запрыгал от радости, увидев реку:

- Антон, мы же искупаемся? Ну, Анто-он!

- Н-не знаю, - нерешительно ответил Тошка, - хотя он и сам не прочь был окунуться, смыть с себя дорожную пыль, грязь и вместе с ними - тревоги. - Вода ведь, наверное, очень холодная!.. Давай-ка пройдем немножко повыше, где место поспокойнее и там посмотрим.

Здесь было мелководье, и вода шумными маленькими водопадиками скатывались с больших, мокрых, блестящих на солнце камней. Золотые блики прыгали по струящимся волнам, светили верхушки ёлок. Летний, почти незаметный ветерок щекотал волосы, осторожно покачивал веточки редких березок и осин. Переливчатыми трелями разговаривали птицы. Незнакомый, но сейчас очень доброжелательный лес принял в свои объятия уставших ребят. Славка вертел головой и пару раз даже споткнулся о выступившие из-под земли изгибающиеся корни: такую красоту он видел впервые и под ноги не смотрел.

Речка расширялась, потоки воды становились всё медленнее и, наконец ребята дошли до небольшой запруды, где течения почти не было. Кусты по краям полянки нависали над водой, необычно разделяя её гладь своей тенью.

- Привал, - сказал Антон.

- Ура! – крикнул Славка и его звонкий голосок весёлым эхом разнесся по лесу.

Мальчишки скинули одежду, оставив её на небольшом пеньке, туда же они положили хлеб и Славкины конфеты.

Антон потрогал воду: так и есть – она оказалась не очень-то тёплой.

- Славка, долго не купайся! Эй, куда ты, Славка?! – малыш, ногами разметав брызги, рыбкой нырнул в воду. Антон замер от удивления: Славка, вынырнув, маленькими уверенными саженями поплыл вдоль берега. «Мда!» - только и подумал он, стоя по колено в воде.

- Антон, не бойся, она не холодная! – донеслось до него.

- Ох, обормот, смотри не заплывай глубоко! - только и смог крикнуть он в ответ, и нырнул. Холод воды обжег ненадолго: Антон открыл глаза и, рассекая ладонями упругую толщу, быстро поплыл к поверхности. Вынырнул, тряхнул головой и сквозь брызги посмотрел на солнце: на ресницах блестели разноцветные искорки. Отыскал глазами Славку и, снова погрузившись под воду, направился к нему.

- Славик, давай к берегу!

- Ага!

Славка, мокрый, с мелкими пупырышками на бледной коже, запрыгал на песке, согреваясь.

- А ничего, водичка - то!

- Ага, «ничего», посмотри, у тебя волосы уже дыбом встали!

Славка, шмыгнул носом и, пригладив волосы, направился к пню с одеждой. Антона осенила идея:

- Слав, а давай её постираем! На солнце она быстро высохнет!

Славка задумчиво посмотрел на него:

- А что, давай постираем…

Антон сгреб в охапку одежду, осторожно вытащив из неё фотоаппарат, деньги, коробок со спичками, Славкину фотокарточку и пистолет. Всё это он завернул в куртку: её он решил не стирать.

- Я тебе помогу, ты только покажи, как это делать! – Славка мигом очутился рядом.

Антон ладошкой зачерпнул ил со дна, положил его на толстовку и очень энергично стал тереть её. Повозившись так минут десять, он разогнулся, вытер лоб:

- Мда… И стирали они так тридцать лет и три года…

Славик молча пыхтел рядом и шумел водой.

- Славка, а где ты научился так хорошо плавать?

- А? - малыш поднял голову, посмотрел на него. - Ну, меня папа учил иногда… В бассейне… И летом на речке я плюхался-плюхался, и потом получилось…

Закончив утомительную работу, Антон разложил на большом камне нехитрую одежку и улёгся на траву: Славке он подстелил куртку, а сам плюхнулся так, на живот. Трава и мелкие камушки покалывали кожу, но это помешало ему расслабиться, раствориться в теплом весенне-летнем воздухе. Он закрыл глаза и не думал ни о чем, просто слушая журчание реки и насыщенные лесные звуки. Потом посмотрел на Славку: малыш, сладко зажмурившись, словно воробышек грелся на солнце. И такое блаженство излучало его худенькое личико, что Антон улыбнулся. «Что человеку нужно для счастья, - вспомнилось ему из любимой книги, - краюшку хлеба, капельку молока и хорошего друга рядом…»[2].

Когда солнце скрылось за верхушками деревьев и лежать стало прохладно, Антон встал, потрогал трусики, лежавшие на камне: высохли. Толстовка и его штаны были немного

влажными, а Славкина одежда была сухой. Ну и ладно, они поедят пока… Он разломил мягкую хрустящую буханку, протянул кусок Славке. Несколько минут стояла тишина, если не считать шума лесного океана, чавканья и шуршания фантиков от конфет.

- Вкусно! – сказал Славка, - попить бы ещё…

- Ой… - Антон с досадой хлопнул себя по лбу, - молоко-то мы выпили… А воду не купили! Ну я и дурень… Что теперь делать? Не возвращаться же…

Славка насторожился:

- Антон, слушай!

Совсем недалеко слышались весёлые голоса…

- Славка, давай одевайся.

Толстовка и брюки высохнут на нём: Антон переложил деньги и коробок в карман. Куртку одел на малыша. Взял оставшийся кусок хлеба и заторопился.

Тропинка петляла, то выбегая к речке и открывая причудливые пейзажи: берег, поросший мать - и - мачехой, одинокие капельки солнца на застывшей заводи, быстрые водопады, играющие на заросших илом камнях, песчаную отмель с разными следами неизвестных птиц; то поднималась над берегом, уводя мальчишек в заросли, где им открывался таинственный шёпот леса.

Антон и Славка шли молча, лишь изредка перебрасываясь короткими фразами.

Между тем солнце скрылось за ветками деревьев и, хотя было ещё светло, лес не казался уже таким приветливым, особенно маленькому Славке. Малыш крепко держал за руку Антона и встревожено сопел. Привычные звуки птиц и журчания речки нарушил отдаленный гул.

- Антон, что это? – испуганно спросил малыш.

Антон прислушался, однако гул стих.

- Я не знаю, Славка… Ты не устал?

Славка отрицательно помотал головой.

Через некоторое время тропинка вывела мальчиков на большую поляну. Здесь монотонный гул превратился в отчетливую дробь идущего поезда.

- Славик, здесь же рядом железная дорога! Значит, мы идем правильно: с одной стороны должна быть река, с другой – дорога, я по карте помню! Нужно выйти к ней.

Ребята прошли поляну. Дальше снова был лес. И уже несколько тропинок. И почему-то больше не слышно поездов… Тошка похолодел и остановился. Внутренний голос подсказывал ему, что идти нужно прямо, но кто знает? Было уже совсем темно, в небе ещё маленькими, но яркими фонариками проклёвывались белые звёзды. Но его они не радовали. Куда идти-то?

Тоскливой ноткой заныла в Антоне тревога. Вокруг стояла звенящая тишина…

«Господи, ну хоть какой-нибудь ориентир… Хоть какую - нибудь бы зацепку!» - отчаянно думал он.

- Антон, - сказал Славка, - помнишь, ты рассказывал про Полярную звёзду, что по ней можно найти дорогу…

- Славка, я её не вижу… Нет, вроде вижу…

Им нужно идти на восток, значит надо повернуться к ней спиной и держаться левее. Как раз крайняя тропинка… Антон неуверенно потянул за руку Славку:

- Пойдем…

И они пошли, осторожно, прислушиваясь к каждому шороху. Деревья неласково чернели в темноте. Из кустов доносились переливчатые трели на разные лады: это соловьи пытались разгонять страх темноты и неизвестности. Тропинка поднималась в гору, Славка все сильнее тянул Тошкину руку.

- Малыш, потерпи немножко… Хоть чуть-чуть бы определиться, где мы…

Славка не ответил. Становилось всё прохладнее: Антошкины ноги замёрзли и устало ныли. «Что же делать?»

Он-то мог ещё идти, а вот малыш?

- Славка, как ты? – с тревогой спросил Тошка.

- Антон… Антон, я не могу больше идти… Голова кружится… - и, не договорив, малыш стал наваливаться на него.

- Славка! Славка! – испугался Антон, подхватил его на руки, присел. Потрогал лоб малышу – он был холодным, потом приложил ухо к его худенькой груди: сердце билось редкими и отчаянными толчками.

Ему стало страшно. Каким же маленьким, бессильным он оказался здесь в этом огромном лесу! Что теперь делать? А если Славка умрёт?!

Пытаясь заглушить в себе нарастающее беспокойство, он осматривался по сторонам, слушал, пытаясь хоть как-то унять мысли. Посмотрел в небо. И почувствовал себя маленькой частичкой огромного мира. Нужной частичкой: интересно, почему?

- Господи! – прошептал он. - Ну пожалуйста, пожалуйста, помоги Славику! Он же не умрет, нет? Помоги ему выдержать… Помоги нам найти дорогу!

Он прислушался к себе. Нет, он не сомневался в существовании Творца. Кто-то же должен им помочь! А иначе зачем он, этот красивый, большой мир?

- Господи, - снова тихо сказал Тошка, - пожалуйста, не оставляй нас! – никогда раньше он не молился так горячо.

И, словно в ответ на эти мысли, он услышал длинный грохот приближающегося товарняка. Совсем близко! Он понял, куда надо идти. Быстро встал, поднял Славку. Малыш тихонько дышал, но не двигался.

Тошка охнув, пошёл на шум. То ли оттого, что он устал, то ли и на самом деле, мальчик показался ему очень тяжёлым. Торопясь выбраться из леса, он почти не смотрел под ноги, один раз, споткнувшись и чуть не полетев носом в землю, он наступил на какую-то колючку. Уставшие ноги отозвались резкой болью, но он не сбавил шага…

Неожиданно лес кончился. И Антошкиному взгляду открылось темнеющее поле, которое разрезали блестящие в лунном свете рельсы.

- Слава Богу, - вздохнул он и на минутку остановился, присел, тяжело дыша. Большая, белеющая в темноте, луна сияла в тёмной синеве, оставляя длинные чёрные тени от одиноких деревьев. Ни один звук не нарушал покоя ночного, сейчас казавшегося потусторонним, мира.

- Ну, ещё немножко… Нужно найти, где бы поспать… - тихонько потревожил эту тишину Тошка. И, покачиваясь, направился к рельсам.

Несколько раз он останавливался. Руки ныли невыносимо: он осторожно поднял Славку, закидывая его на плечо. Почувствовал, что тот тихо дышит, немного успокоился: значит жив. Заплакал, вспомнив, как плавал сегодня малыш, и какими худенькими казались его ручки, как обтягивала кожа ребра…

«Это я виноват… Совсем замучил его… Не нужно спешить так… И кушать больше. Я - то потерпю, а он – нет…» Он вспомнил про тысячу рублей, которые нашёл в кармане: откуда? Он не брал столько… «Ой! Так толстовка ведь не моя! Ленька… Спасибо, друг!»

Несколько секунд Тошка ни думал ни о чём, потрясённый щедростью детдомовского мальчишки. «Лёнька… Как же мне отблагодарить тебя?..»

Ритмичным грохотом пронесся пассажирский поезд, мигнув мальчишке уютным светом окошек. Антон постоял, проводив его взглядом: идти он больше не мог. Пятки горели, руки не слушались. Глаза закрывались… Лечь бы где-нибудь и больше не двигаться…

Всё же он заставил себя сделать несколько слабых шагов, пристально вглядываясь в темноту. И увидел впереди дрожащий в ночном воздухе жёлтый огонёк.

---

[2] – Д. Лондон «Смок Беллью».

Глава 14.

Гроза.

… Это был маленький полустанок: приземистая одноэтажная избушка, возле которой работало несколько железнодорожниц. Несколько секунд Тошка раздумывал – не постучаться ли? Но потом забоялся и передумал. «Можно поспать и под деревьями… Тепло, почти лето» - решил он. А если Славка не придёт в себя – он сможет постучаться и попросить помощи. Он стал спускаться ниже, подальше от насыпи и неожиданно увидел неглубокую яму.

«Интересно, что это? - он заглянул внутрь: там лежали какие-то доски, - ладно, неважно… Главное, что здесь нет ветра и теплее, все же это лучше, чем под открытым небом» - подумал он устало. Руки отчаянно болели, он боялся уронить малыша, и совсем не было сил искать более подходящее место. Тошка опустил Славку на землю, спрыгнул

туда: яма оказалась ему по шею, вытянул руки и аккуратно затащил малыша внутрь. Обессиленно опустился рядом с ним и сразу же заснул.

Разбудили Тошку птицы. Сквозь сон он услышал такую музыку, какой раньше никогда не слышал! Лес просто звенел трелями. Птицы переговаривались, птицы пели, птицы просто чирикали на разные лады, но все эти звуки складывались в яркую утреннюю мелодию. Тошка открыл глаза и увидел посветлевшее голубое небо. Минут пять он лежал и пытался понять, что же было вчера и почему так болят ноги и руки. Наконец, вспомнив, испуганно вскочил и посмотрел на Славку: малыш сладко посапывал на боку, подложив под голову ладошки. Слава Богу!

Прохлада пробиралась сквозь толстовку. Чтобы согреться, он решил выбраться из ямы и осмотреть местность.

Позади него, выше по склону виднелись рельсы. За ямой был лес, но судя по тихому журчанию, там дальше текла речка. Вокруг никого не было.

Близился рассвет: вокруг становилось всё светлее, а в прозрачном небе золотились края слоистых облаков. Росы не было. Совсем. Сухая прохладная трава щекотала босые ноги. «Неужели будет дождь?» - подумал Антон и спустился в яму, дожидаться, когда проснётся Славка.

Ждать долго не пришлось. Некоторое время он неподвижно сидел, обняв колени и с тревогой глядя на худенькое, и ставшее таким родным, лицо малыша. Потом стал усаживаться удобнее, доски скрипнули под ним, и он увидел, что Славка открыл глаза. Наклонился к нему.

- Славка, как ты? – спросил он дрогнувшим голосом.

Славка с минуту молчал, потом ответил:

- Нормально… А что случилось? Антон, ты чего? – он испуганно сел, глядя на бледного Антона.

- Славка, ты вчера не смог идти и потерял сознание. Я думал, что ты умрёшь, - чуть не плача сказал тот.

- А, я помню, что не смог идти, так голова кружилась… Антон, я же как-то тебе говорил, что у меня бывает такое?

Антон не помнил. Покачал головой, спросил:

- А сейчас как ты себя чувствуешь?

- Нормально вроде… Только пить хочется очень.

Ой… Как же он мог забыть про воду?!

И что делать теперь? Не пить же из реки… У него были спички, но кипятить-то не в чём! Был бы уголь или марганцовка, но ведь и их нет… А сырую пить – себе дороже…

- Славка, что-нибудь придумаем. Пойдем потихоньку?

Малыш кивнул. Поднялся, спросил удивленно:

- Ой, а как я здесь оказался?

- Так я тебя полночи тащил…

Славка смущенно обнял Антона:

- Антон… Спасибо тебе… - он вздохнул. - Ты знаешь, я ночью проснулся, и ничего не понял. Увидел, что ты рядом спишь. Я не стал тебя будить, полежал и уснул. Правда мне пить хотелось и ещё в туалет…

- Так давай, вылазь скорее!

Антон без труда поднял его, вылез сам.

… Когда ребята перекусили остатками хлеба и завалявшейся в кармане куртки конфеткой, солнце уже подмигивало им сквозь верхушки сосен. Лес проснулся и теперь сиял в его лучах: разговаривали птицы, над травой летали бабочки и мотыльки, хозяйничали шмели. Но в небе облака не поднимались вверх, а стягивались плотнее, ветра не было, и чувствовалось, что днём будет душно.

Антон думал о дороге. Невесёлые мысли разгонял Славка: он улыбался, держа за руку своего старшего друга. Будто и не было вчерашней тревожной ночи…

Так они и шли, стараясь не отходить далеко от рельсов, чтобы снова не заблудиться. Антон рассказывал малышу о том, как можно по облакам предсказывать погоду.

- Видишь, Славка, вон там, перистые облака – они похожи не пёрышки. Обычно они появляются утром, и это значит, что будет хорошая погода. С солнцем они поднимаются ввысь и исчезают, а день бывает безоблачным. Но сейчас их немного и, вон там, возле них – слоистые облака. Будто кто-то водил белой кисточкой по небу. Если они есть, то будет

облачно, потому что они собираются в кучки, образуют большие облака, затягивая все небо. И даже может быть дождь…. А ещё, если наверху ветер сильный, то они как бы разорваны, и тогда может, ещё и не соберутся… Но сейчас его нет.

- Откуда ты это знаешь?

- Ну, это по географии проходили… Сам наблюдал… Вообще-то, предсказывать погоду – дело творческое…

Иногда с грохотом проносились поезда. Мальчишки стояли и провожали их глазами. Антон вздыхал: они ехали в ту сторону, где находится его дом… Славка махал ладошкой.

Близился полдень. Облака затянули всё небо, как и говорил Антон. Было очень жарко и очень хотелось пить. А ещё Славка шёл всё медленнее и иногда зевал. Потом сказал:

- Антон, давай поспим, хоть немножко, а? А потом пойдем дальше? Всё равно никого нет.

- Хорошо, Славка. Давай только отойдем от дороги.

Здесь деревьев было мало, больше встречалось ёлок. Они прошли немного и наконец остановились возле большой разлапистой ели. Её ветки приподнимались над землёй, открывая небольшое, усыпанное хвоёй, местечко…

- Ты поспи, а я посижу, - сказал Антон и прислонился к тёплому шершавому стволу. Славка свернулся калачиком, а голову положил ему на колени. Не прошло и пяти минут как он уже спал. Антон погладил его по мягким волосам, прикрыл глаза.

«Интересно, как там Шурка? Достроил ли самолёт?.. – думал он. – И смотрит ли на звёзды? Или уже нет…»

Почему-то вспомнилось ему, как прошлой осенью они решили с другом посмотреть на звёздное небо. Как-то попалась им в библиотеке книжка по астрономии, точнее Тошке попалась. А в ней – куча созвездий, там он увидел созвездие Большой Медведицы и очень удивился – раньше он думал, что ковш – он ковш и есть. А оказывается, нет… Было там и множество красивых галактик и страшные истории про чёрные дыры. И фотографии комет.

Тошка тогда пошёл за Шуркой. И раскрыл перед ним книгу…

Они захотели увидеть комету. Слышали, что в начале октября она будет близко к земле… Вечером вышли на улицу и всё пытались разглядеть в вечернем небе её яркий хвост…

Комету они так и не увидели. Зато вдруг увидели, как быстро соскочила с неба и растворилась в темноте жёлтая звёзда. «Загадывай желание» - прошептал Шурка. Тошка кивнул и замолчал. Кажется, они загадали что-то похожее…

«Нужно будет придумать, как вытащить его из интерната… Посоветоваться с отцом, может он чего-придумает…»…Интересно, как они там, его, Антошкины, родители? Сообщили ли им о его побеге? Наверное, нет: мама говорила, что до июня они будут в экспедиции, потом сразу поедут домой, а из дома уже к нему в интернат. Денёк там, и - в следующую экспедицию. И никакого лета вместе… Тошка хотел съездить домой, да и мама ждала этого, но потом оказалось, что не получится. Контракт. Отвратительное, нелюбимое слово, кто его вообще придумал?

Как жалко, что нет у него телефона! Только и остаётся, что вспоминать… Маму, её тёплые нежные руки, тихий спокойный голос… Виноватые глаза… Папу – строгого, но очень открытого человека. По его виду сразу догадаешься: сердится ли он, или озадачен чем-то, ну а уж если смеется, то таким заразительным смехом, что всем вокруг становится весело… И очень увлеченного своей работой. Такой, что не мог он без неё жить… Такой, что часами мог говорить о ней…

Как же ему хочется домой! В свою маленькую двушку-хрущёвку на втором этаже, в небольшом дворике, где по вечерам всегда так тихо и стрекочут сверчки! Эта маленькая квартирка совсем не ценилась в огромной Москве, куда хотели переехать родители, и даже в том подмосковном городе, где находится Тошкин интернат. Чтобы купить там квартиру, нужно было продать три таких вот маленьких квартирки, а таких денег у родителей не было. Решили подкопить денег и что-нибудь придумать, а его попросили потерпеть. Ну ведь сколько можно уже!

Не может он без родителей… И без уютного дома с белыми занавесками на окнах в небольшой кухне, где по вечерам они с мамой пили чай и беседовали, ожидая папу…Без маминых шагов по квартире, без папиного баса по утрам, родного балкона, на котором так здорово встречать рассвет! И без него, его зелёного города, в котором он вырос и знал каждый кирпичик, каждую улочку… Где мог ходить без оглядки, кататься на любимых качелях-лодочках, весной пускать кораблики в быстрых ручейках и знать, что над тобой не будут смеяться… А потом прибежать домой, скинуть промокшие ботинки, плюхнуться

на тахту и читать какую-нибудь увлекательную книгу, от которой даже мама не могла его оторвать! Каким это всё было далеким, невозможно далёким, словно сон! И в то же время – очень близким, если закрыть глаза и представить… И тогда кажется – ещё чуть-чуть, и он – дома.

… А может, они возьмут их со Славкой в экспедицию? Вот было бы здорово!.. Хотя это, наверное из раздела «фантазии»… Антон мечтал, и незаметно для себя стал засыпать….

Проснулся он от ветра: даже непонятно, что разбудило его раньше: сильные, пронизывающие потоки воздуха или шум деревьев. Ничего себе! Как за несколько часов всё могло так измениться? Тучи затянули всё небо, такой внезапный порывистый ветер предвещал дождь.

«Сколько ж я спал? Надо скорее будить Славку, если будет гроза, то лучше уйти подальше от высокого дерева, как бы спокойно тут не было…»

- Славик, Слав… - малыш совсем не хотел просыпаться, - Славка, ну вставай же ты! Ну, пожалуйста, - просил Антон. Наконец, малыш заворочался и открыл глаза.

- Ой, а что там за вспышки?

Антон посмотрел туда, куда показывал Славка. Зарницы… «Будет гроза…»

- Пойдем, Славик! Нужно поискать место подальше от высоких деревьев.

Пахло дождем. Над гулом потревоженного леса иногда рокотали басы грома. Неожиданно ему на нос упала большая капля.

- Ой, - воскликнул Славка, - на меня капнуло!

- На меня тоже! Славка надень мою куртку. Подожди, - Антон вынул из толстовки фотоаппарат, деньги, спички, сунул их в карман куртки: хорошо, что она непромокаемая. Одел Славке капюшон, застегнул её.

- Антон, а ты?

Антон промолчал, взял Славку за руку. Не поднимаясь к рельсам, но шагая так, чтобы они были на виду, он потащил малыша через лес. С неба падали большие капли, дождь становился всё сильнее. И громыхало всё чаще. Между вспышками лес замирал в напряженной тишине.

Вдруг лиловое небо разрезала тонкая серебряная стрела. И ещё одна - раздвоенная и внезапная. Славка вздрогнул и прижался к Антону. Через куртку, по его закаменевшим плечам стало ясно, что малыш боится. Раздался грохот, затрещало небо, зашумел недовольный лес.

- Антон, мне страшно, - шёпотом сказал Славик.

- Славка, это гроза, она пройдет! – успокоил его Антон, хотя ему самому было не по себе. Не приходилось ему ещё бывать в лесной грозе….

Природа замерла, и было слышно, как капли дождя шуршат по листьям. Небо сверкало золотистыми вспышками. Снова в грозовой сини сверкнула молния. Громыхнуло так, словно две тучи столкнулись прямо над головой у ребят. И вдруг, сильным потоком полил дождь. Есть такое выражение «как из ведра». Как из шланга. Потому что много, потому что без остановки, равномерно лилась с неба вода.

Антон присел на корточки и крепко прижал к себе Славку. Как хорошо, что здесь не было больших деревьев - в них может ударить молния.

«Господи… Хоть бы нам остаться живыми… Хоть бы Славка выдержал, не промок совсем…» Малыш вздрагивал. Худые плечики его иногда двигались под широкой курткой. Антон не заметил того, как он вымок. Только чувствовал, как прилипла к телу толстовка, как летят брызги в глаза, мешая смотреть в небо.

Сила, неземная, величественная и потому грозная, ощущалась в этом потревоженном грозой лесе. Могущественная буря захватила всё вокруг, колыхая сердце, как огромная волна, хотелось раствориться, слиться с ней, с этой волной. Потому что сопротивляться – бессмысленно. Лес шумел, волновался, вздыхал, рассказывал двум испуганным мальчишкам свою неведомую им жизнь. Ребята, вернее, Антон, потому что Славка просто сжался в комочек, не двигаясь, - ощущал себя щепкой в бушующем море. Гром обрушивался часто-часто, чередуясь со вспышками и зигзагами. Дождь стал более монотонным, но не ослаблял напора.

- Держись, Славка! Это же всё равно, когда-нибудь закончится…

О чем думал Антон? Ни о чем. Он просто сидел, поглощенный стихией, иногда говорил малышу ободряющие слова. Время замерло, казалось, что оно тоже заворожено смотрит на бурю. Шумел дождь…

Глава 15.

Иногда стоит обращаться к людям, даже если ты их боишься.

…Дупло большой чёрной дырой зияло в старом, с растрескавшейся корой, изъеденной разными жучками, могучем дереве. Оно стояло одно, посреди большой поляны, впереди остального леса. Сухие ветки не давали молоденьких ростков, корни торчали из земли, оно было очень широкое и, должно быть, очень старое. Антон привалился мокрой толстовкой к жёсткой коре. Славка сел рядом. Они молчали, оба усталые, мокрые и голодные.

Вот уже несколько часов подряд они шли, не останавливаясь, пока не начали сгущаться сумерки. Славке повезло: куртка спасла его от дождя, и он остался сухим, сырыми были только ботинки. А вот Антон промок насквозь, до трусов. Как сушить одежду: костёр не разожжешь, дрова все мокрые, солнца нет? Оставалось одно – идти, и надеяться, что на теле она когда-нибудь высохнет… Хлеб тоже промок, но мальчишки съели его и так.

Хотелось пить… Когда вокруг всё стало серым, а Славка стал идти медленнее, Антон решил не идти дальше, а остановиться здесь, возле этого большого дерева. В конце концов, место довольно удобное: отсюда видно железную дорогу, хорошо слышны любые звуки, а дерево с дуплом – надежное убежище от непогоды и от посторонних глаз… Хотя вряд ли здесь бывают люди…

- Антон, может быть, я сниму куртку, а ты оденешь, согреешься? – спросил Славка.

- Да я не замерз…

- Антон, а почему тогда у тебя такие холодные руки?

Антон пожал плечами: было зябко: лесная сырость, мокрая одежда, прохладный вечерний воздух холодили тело. Но ведь, если малыш снимет куртку, то он замёрзнет… Нет, наверное, не надо…

- Славка, трава ещё совсем сырая, давай залезем в дупло. Там должно быть сухо…

Славка неуверенно пожал плечами:

- Давай… А там никого нет?

- Не бойся.

Антон залез на толстую ветку, торчавшую невысоко от земли, заглянул внутрь дупла: темно, но видно, что оно довольно глубокое.

- Славка, дай спички!

Малыш протянул коробок. Антон чиркнул по нему, яркое пламя осветило внутренность дерева: дупло было глубоким, но не до земли. Подойдет…

- Давай, залазь!

Он спрыгнул, помог Славке забраться на ветку. Малыш боязливо заглядывал внутрь большой дыры, но не решался забраться туда. Антон вскарабкался на ветку, прыгнул внутрь. Ой, как здорово тут! Тепло… Пахнет влажной корой, какими-то грибами, травой… Ну и ладно, главное, что здесь уютно… Антон посмотрел на бледное в вечернем свете личико малыша, позвал его:

- Славка, не бойся. Давай сюда!

Они поместились здесь вдвоём. Правда ноги не вытянешь, но хорошо и так… Славке проще – он поменьше. Антон снял толстовку, привстал, закинул её на край дупла. Сухие щепки неприятно царапали спину, зато нет ощущения этой неприятной сырости, которая сопровождала его целый день… Славка стал расстегивать куртку.

- Антон, мне так жарко! Честно! Если я замерзну, я тебе скажу…

- Ну ладно… - он надел куртку. - Так стало совсем замечательно. Он растаял в накрывшем его тепле. Прикрыл глаза, услышал, как Славка попросил:

- Антон, а может, кроссовки тоже так повесить?

- Давай, - он взял у малыша кроссовки, связал шнурки между собой и перекинул их через край дупла. Славка довольно повозился и затих.

Тошка опять прикрыл глаза. Что-то устал он сегодня… В теле словно осели капли дождя, оно ныло и совсем не хотелось шевелиться. Даже говорить…

…Ему снился океан. Огромный, бескрайний, шумные волны вздымались и ударялись о берег, рассыпая клочки белой пены. Мокрые гладкие камни блестели на солнце. Вода, много воды, от вида которой невыносимо хотелось пить… Был шторм: не искупаешься, волны перекатываются через себя, вдали, в отражающейся от облаков синеве, сверкают белые барашки. И снова, снова, несмолкаемый шум прибоя… Ш-ш-ш…

Он вдруг открыл глаза от такого громкого, реального звука. Прислушался в неясной тревоге…

В поле рокотал мотоцикл! Антон вскочил. Схватил толстовку, кроссовки, кинул их в дупло. Потом осторожно выглянул: вдалеке белыми глазами сияли фары. По полю бегал яркий луч фонаря! Он опустился вниз и прислушался.

Рев мотоцикла стих. В прозрачном ночном воздухе, который хорошо разносил звуки, послышались мужские голоса.

- Эй, тут никого нет! Даже следов! Пойдём к лесу…

- Блин, неохота… Может, утром?

- Нет. Нужно сейчас.

- Давай тогда проедем?

- Ну, понятное дело…

Тошкино сердечко готово было выпрыгнуть из груди. Кого они ищут? Неужели его? Только б не заметили дупло… Рёв нарастал, становился громче, громче, громче, а затем - стих. Мотоцикл теперь гудел вдали, оттуда же слышались те же резкие голоса.

Славка зашевелился.

- Тише! – быстрым шёпотом сказал ему Антон. Малыш замер.

Так они сидели, боясь дышать, не двигаясь. Казалось целую вечность будет длиться треск мотора… Потом наступила тишина. Голосов тоже не стало слышно.

- Антон, - сказал Славка одними губами, - что это?

- Я не знаю… Приехал мотоцикл, какие-то люди ходили по полю с фонарями… Искали кого-то…

- Тебя?

- Я не знаю…

Они снова замолчали. И долго-долго сидели, слушая ночную тишину: где-то вдалеке ухала неизвестная птица, звоном колёс отзывался проезжающий поезд… Небо в дупле темнело чёрным кругом: звёзд не было. Антон не видел своих рук, не видел Славки: даже

становилось страшно, казалось, будто это перестали видеть его глаза. Очень хотелось пить, неприятный сухой комок стоял в горле. Голова гудела.

«Сколько это будет длиться?» - думал Антон. Было трудно вот так сидеть, мучаясь от неизвестности, от невозможности поспать, перекинуться словечком… Хорошо ещё, что они наткнулись на это дерево… Хотя, вдруг те люди ещё вернуться?

Снова потревожил тишину стрекот мотора. Разнесся над полем, загромыхал возле дерева и, стихая, растворился вдали, пока не смолк совсем. Темнота стала чуть светлее и спокойнее. Антон облегченно вздохнул, малыш завозился.

- Спи, - тихо сказал ему Антон. – Всё завтра.

Славка придвинулся ближе, прислонился щекой к Тошкиному плечу. Тихонько засопел. А Антон всё сидел, вглядываясь во тьму, пока она не стала сереть, и он смог различать глазами спящего малыша. Потом, не в силах больше бороться со сном, закрыл глаза и уснул.

Когда он проснулся – в дыре светило солнце. Антон заёрзал: затекла спина и ноги. Повернул голову, увидел, что Славка уже не спит, а внимательно наблюдает за ним.

- Антон, доброе утро! – заулыбался малыш.

- Доброе утро, - отозвался он почему-то сиплым голосом. В горле стоял всё тот же колючий комок. Что такое? Ой, нужно скорее выбираться, пока ноги совсем не онемели…

Антон встал, взял толстовку, перекинул через шею кроссовки, взобрался на край дупла, осмотрелся: никого. Тогда он перебрался на ветку и протянул руки малышу, помогая ему выбраться. Спрыгнул, опустил его на землю.

- Славка, придется идти пока босиком. Пусть кроссовки просохнут…

Малыш кивнул. Они направились вдоль рельсов…

Тучи разошлись. В хрустальной синеве неба желтел яркий диск солнца. В прозрачном воздухе звенело лето: теплый пар поднимался от земли, над умытыми травинками кружили разные насекомые, деревья неподвижно застыли в легкой дымке. Трава приятно щекотала пятки, щёлкала по щиколоткам, хлестала Славку по коротким штанишкам. Однако Антону было не радостно: сильно хотелось пить, голова была какой-то тяжёлой, в горле стоял сухой комок. Ноги почему-то тоже двигались не очень охотно… Тело ныло и

на каждый шаг отзывалось какой-то незнакомой усталостью. Славка молчал, изредка облизывая пересохшие губы.

- Славка, когда пройдем поле, то повернём к реке… Пить очень хочется.

Не стоит пить воду из реки, не стоит… Но жажда так замучила Антона, что было уже всё равно. «А что ещё остаётся делать?» - грустно подумал он.

Солнце стояло уже довольно высоко, когда они повернули в направлении реки. По карте Антон помнил, что она течет вдоль рельсовой колеи до самого города, а затем спускается вниз, южнее, а железная дорога – наверх, на северо-восток. Поэтому надежными ориентирами были здесь река и рельсы.

В сонном мареве стояла тишина. Ни малейшего движения воздуха. Жара. Толстовка высохла и Тошка надел её, а куртку завязал рукавами на поясе. Славка вытирал мокрый лоб. Мальчишки старались держаться в тени деревьев: от них хоть немного веяло прохладой… «Где же река?... Может, хоть искупаемся…»

Внезапно тишину нарушил собачий лай. От неожиданности ребята остановились. Антон не успел сообразить, не успел даже спрятаться за деревом, как к ним, гавкая, подбежала немецкая овчарка. Он подхватил Славку на руки и замер.

Но за псом не последовало людей. А он сам вёл себя очень странно: то подбегал к Антону, то отбегал назад на несколько шагов и не преставал лаять. Потом, видя, что Антон не понимает его и боится, схватил его зубами за край штанов и осторожно потянул в сторону леса, по той тропинке, откуда он примчался.

- Ну чего тебе? – сердито спросил пса Антон.

- Антон, он как будто зовёт нас! – догадался малыш.

«А ведь правда!» - осенило его. Подчиняясь тревожному предчувствию и рвению овчарки, он опустил Славку на землю и пошёл за неё. Та, видя, что её поняли, побежала вперед, оглядываясь и продолжая громко гавкать. Тропинка шла на небольшой пригорок, за которым виднелась блестящая крыша дома.

«Блин, куда же она нас привела!» - с досадой подумал Антон и не успел договорить…

- Славка, стой!

Впереди, в нескольких шагах, ничком лежал на земле мужчина. Собака, жалобно скуля, остановилась возле него.

- Славка, стой! – крикнул Антон, а сам побежал к нему. «Мёртвый? Или…» Присел возле человека. Мужчина не шевелился. На штормовке, справа под лопаткой чернело круглое отверстие.

«Пуля? Откуда? Ведь мы не слышали выстрела!» Антон приложил ухо к спине раненого и напряженно застыл, задержал дыхание, вслушиваясь. «Тук… Тук… Тук…» - отозвались в глубине тихие и редкие толчки. Он поднял голову, крикнул Славке:

- Иди сюда!

Незнакомец вдруг тяжело вздохнул. Тошка наклонился к нему и услышал хриплый измученный голос. Будто из другого мира:

- В кармане… Телефон… Найди Синицына… Скажи… - он замолчал, через несколько секунд выдохнул, - Он знает, он найдет…- и замолк.

Тошка дрожащими руками сунул руки в оттопыренные карманы штанов незнакомца. Вытащил мобильник, нашёл в контактах слово «Синицын», нажал кнопку вызова. «Ну, давай же – равнодушно гудели медленные гудки, - ну пожалуйста…». Он с опустившимся сердцем хотел сбросить и снова нажать кнопку вызова, как неожиданно услышал на другом конце звонкий молодой голос:

- Алло! Толя? Толя!

- Это не Толя, - выдохнул Антон, - Толю ранили!

Голос на секунду замолчал, потом повторил тревожно:

- Алло! Это кто?

- Толю ранили! Он лежит здесь на земле! Приезжайте скорее! – крикнул Антон в трубку.

- Где лежит?

- Возле дома, недалеко от железной дороги. Здесь рядом находится город… - он не успел закончить, как голос в трубке ответил:

- Понял, выезжаю. – И раздались короткие гудки.

Антон выключил телефон. Положил его обратно в карман мужчине. Растерянно глянул на Славку:

- Он сказал, что выезжает.

Малыш быстро кивнул. В глазах его нарастал испуг, вопросы. Он показал на раненого:

- Антон, он живой?

- Славка, пока ещё да… Только б они успели…

Антон наклонился к человеку:

- Потерпите… Они сказали, что выезжают...

Что случилось здесь? Есть ли рядом те люди, которые стреляли в этого Толю? Скорее всего - нет, иначе б они со Славкой не сидели бы уже… Может быть, злодеи рассчитывали, что здесь никто не ходит? И не найдет человека… А если найдет – то будет уже поздно, и непросто будет найти убийцу… Никто ведь не знал, что появятся здесь мальчишки…

Неожиданный домик в лесу, собака, одежда человека: куртка болотного цвета, такие же штаны, высокие сапоги, - всё это наводило на мысли, что этот мужчина, скорее всего, лесник. Тогда кто же стрелял в него? Кто сводил с ним счёты? Есть ли он поблизости? Антон опасливо прислушался. Огляделся. Странно, пёс спокойно сидел рядом, не уходил от ребят, лишь изредка тихо поскуливал. Будь здесь ещё кто, он залаял бы, подал бы какой-нибудь знак…

Славка присел на корточки возле мужчины.

- Слав… - позвал Тошка. Малыш поднял глаза. Вытер злые слезинки:

- Антон, кто его так? За что?!

- Славка… Скорее бы они приехали…

Медленно текло время. Сильно жарило солнце. Казалось, что всё вокруг: деревья, застывшие в неодобрительном молчании, одинокий дом, скулящая собака, примятая трава, горячий воздух, тишина, - всё вокруг дышит чем-то незнакомым и страшным… Что делать? Как помочь?

Антон посмотрел на Славку, тот не сводил взгляда с мужчины. Облизал сухие губы. Тошка понял его. Поднялся, глядя на дом.

- Ты куда? - встревожено спросил Славка.

- Славка, там должна быть вода. Сиди здесь. Если что – кричи. Я мигом.

Пёс проводил его умным взглядом.

- Охраняй, - приказал Тошка. И побежал в дом.

Через минуту он уже шёл обратно, неся в руках закопчённый котелок, доверху наполненный чистой водой. Протянул его малышу:

- Пей!

Они выпили половину. Ох, как приятно текла вода по засохшему пищеводу, и прохладной тяжестью оседала в желудке! Тошка вытер губы, наклонился к человеку, зачерпнул пригоршню воды, смочил ей рот, посеревшее лицо. «Господи, ну где же они!»

Забрякал телефон, отзываясь на его мысли. Тошка вынул его, посмотрел: тот же Синицын. Снял трубку.

- Алло! – крикнул уже знакомый голос в гудении мотора, - алло, мы будем минут через пять. Что с Толей?

- Он ранен. Лежит так же. Когда я слушал – сердце стучало ещё…

- А ты кто? Откуда?

- Нас сюда привела его собака. Пожалуйста, давайте скорее… - ответил Тошка и выключил телефон. Положил его на место.

Какие же долгие были эти пять минут! Время не двигалось вместе с воздухом…

Резкий неожиданный звук мотора разорвал тягостную тишину. Пёс залаял и побежал на шум. Антон вскочил, так и не выпуская из рук котелка. Славка медленно поднялся и посмотрел вдаль тропинки, откуда доносились голоса, собачий лай. Антон двинулся туда, и с пригорка увидел бегущих троих мужчин, овчарку. Позвал их:

- Сюда!

Высокий темноволосый мужчина первым очутился возле него. Антон, не говоря ни слова, бегом направился к раненому. Мужчина, увидев лесника, присвистнул:

- Ох, Толя, говорил я тебе…

Наклонился, перевернул его, приник к груди. С минуту молчал, не сводя глаз с Антона. Нахмурился, передвинул ухо, снова замер. Потом вскочил. Крикнул подбежавшим парням:

- Ребята, он ещё живой! Давайте скорее. Берись…

Мужчины молча стали поднимать раненого. В суетливой минуте, Антон, держа котелок с водой, бесшумно шагнул Славке, взял его за руку и потянул в кусты за тропинкой. Услышав, что лесник живой, шепнул:

- Пойдем. Быстро. Тихо! – и осторожно стал отходить в чащу…

Глава 16.

Где ты, Антон?!

Саша задержался после школы. На мобильнике закончились деньги и маме он позвонить не смог. Да и не успел как-то… Когда он шёл домой, уже стемнело, и розовая дымка опускалась на город вместе с заходящим солнцем. Саша заметил это только возле своего дома – слишком торопился, чувствуя, что мама волнуется. Он и сам не осознавал, как по невидимым нитям предчувствия передается ему мамина тревога.

Тоненькие нити, порождаемые тем великим чувством, именуемым «привязанность». Мир двадцать первого века, полный научных открытий и технических переворотов, не может объяснить этой загадки, этой тайны человеческих взаимоотношений, которую люди называют интуицией. Вот как так получается: ты идёшь домой, чудесный вечер, весь затаившийся в преддверии лета, привычная рабочая усталость, ощущение сделанного дела, но на душе нарастающая тяжесть волнения – от чего? От сознания того, что волнуется другой человек? От понимания своей вины и страха наказания? От накопившихся за день тревог? Или это по невидимым проводам - связям родственных душ, передается от человека к человеку напряжение? И ты приходишь домой и, видя расстроенное лицо близкого человека, понимаешь, что волновался не просто так… Так и Санёк, окинув взглядом родное окошко на пятом этаже девятиэтажного дома: оно уютно

светилось среди остальных похожих, потянул ручку подъезда и заторопился до своей квартиры, где столкнулся лицом к лицу с тишиной, полной обиды, ожидания и тревоги.

Очень трудно описать словами то чувство, которое возникает у сына или у дочери в ответ на материнскую обиду. Оно тихое, почти незаметное за повседневными заботами, но вот наступает вечер и, в наступившем затишье, когда можно наконец вздохнуть и оглядеться внутри себя, то в этом затишье, если прислушаться, можно услышать тоскливую нотку непонятной грусти, непонятной досады на себя, вопроса почему – на который ты не можешь найти сразу ответ, а если находишь, то это гудение не стихает, а наоборот становится отчетливей…

В жизни - за уроками, работой, семейных буднях эту нотку тоже почти не слышно, но она напоминает о себе иногда. Чем? Подавленностью – у ребенка, неясным раздражением на ребенка или супругу – у взрослого. И эта тихая нотка – нотка опасная, впрочем, как и многие средства этого мира: в малых дозах исцеляет, а в больших отравляет, так вот в больших дозах она опасна тем, что детей она делает тревожными и замкнутыми, взрослых – гневливыми на своих родных… Некая эстафетная палочка поколений…От которой хотелось бы освободиться…

Как описать чувство материнской тревоги? Алина Анатольевна, Сашина мама целый день ждала сына. Сегодня – последний день учёбы, но должен был вернуться пораньше… Даже, пусть от школы ещё нужно доехать, но всё равно он должен был вернуться домой ну самое большее – к двум. Но вот прошло обеденное время, а мальчика всё не было.

Сказать, что она волновалась – не сказать ничего. Эти часы, проведенные в неизвестности, казались вечностью.

Она ещё не могла нарадоваться, что рядом – её сын. И сегодня неохотно отпустила его в школу… Она не хотела его отпускать, но сегодня последний день занятий, потом – экзамены. Получается, не зря – не хотела? Он не пришёл!

«Может его задержали на классном часе?» - сперва решила она, но волнение не исчезало. Чтобы заглушить его и скоротать время, она прошлась по пустым комнатам, переделав все дела, какие можно было сделать дома, разобрала недавние фотографии, периодически поглядывая на часы. Побродила по страницам интернета, но недолго: неизвестность придавливала, тревога – нарастала. Выключив компьютер, она взглянула на часы и обомлела – время-то уже пятый час! Надо ехать в школу… У сына мобильник молчал.

Однако и это ничего не прояснило, а лишь усилило её беспокойство: в школе сказали, что ребята давно закончили и разошлись. «Где же мой мальчик» - уже непрестанно продолжала вертеться тоскливая мысль.

«Тик-так» - стучали большие настенные часы, отмеряя секунды жизни, драгоценные секунды, которые сейчас складывались в копилку ожидания. Неизвестность, словно чёрная дыра, поглощала всё: силы, возможность спокойно оценить ситуацию, маленькие радости дня, и даже доброту… Что делать?

«Где он, Господи, ну где же он?!» - сил ждать больше не было. Алина Анатольевна стала набирать номер мужа, который ещё не вернулся с дежурства, как тут, хлопнув дверью, вошел её ненаглядный сынок.

- Мама, я пришёл! Привет! – раздался из коридора звонкий голосок. - Мам, ты дома? Мама!

- Саша, - тихо ответила мать.

Что происходит, когда после таких вот переживаний неизвестность проясняется? Приходит любимый человек, которого мы так ждали, и волнение за которого доставило нам боль? Нарастает радость или обида. Или и то, и другое. Все зависит от нас, от нашей способности прощать и от того, насколько глубоко погрузились мы в бездну сомнений…

Сашина мама сперва почувствовала облегчение. Потом – обиду. Потом сквозь неё – радость. И эта радость была сильнее всего, потому что вот он - сын, радость звала её обнять его крепко-крепко и больше никуда не отпускать… Но эмоции, накопившиеся за день, требовали выхода в виде слёз. Чтобы справится с бурей, поднявшейся у неё в душе, она молча ушла к себе в комнату. Сашка, услышав, как она всхлипнула, бросился за ней:

- Мама, прости! Я… не нарочно… Мам, ну так получилось, - а что ещё было сказать, не объяснять ведь так сразу, с порога, что главный заводила всего класса, Леха Сурков, утром сунул ему под нос кулак и, тихо, с угрозой в голосе, произнес: «Сегодня после классного часа домой не смоешься! За школой поговорим!» Надо же было это прекращать, наконец! Тем более, что не заступиться за Асю, Саша не мог. Хорошо ещё, что без драки обошлось…

- Ну мамочка!

Мама обернулась. Саша поймал её взгляд. Он был такой… что дела в классе стали какими-то уже неважными… Он был такой же, как тогда, когда он впервые посмотрел в её

глаза после долгой разлуки… Сашке почему-то вспомнилась картина Айвазовского «После бури», где кучка человек, оставшихся в живых, увидели в море корабль и в надежде звали его… Он не видел её в оригинале – как-то попала ему в руки книжка с репродукциями разных художников, и там она была с альбомную страничку: лица не разглядеть. Но сейчас он подумал, что глаза тех людей были именно такими. Или очень похожими…

- Сашенька, - так же тихо сказала мама, - ты иди поешь. А потом расскажешь, что случилось… Давай, давай…

Вот лучше бы она поругалась. Вздохнув, Саша отправился разогревать обед. Или ужин, какая сейчас разница? Помешивая ложкой суп в маленький кастрюльке, он думал, что же он наделал… Мама простит его, конечно, только вот внутри будет всё равно не так. Грустно. И непонятно.

Две мысли боролись у него в голове, спорили между собой и искали оправдания: ну что, что стоило ему позвонить? Или съездить домой, а потом отправиться выяснять отношения? В конце концов, кто ему, этот Сурков, не ему же с ним детей крестить… А здесь – мама. Ждёт его!

… Но ведь не мог он съездить домой! Они бы решили, что он сбежал… А это не только позор – это значит, что они и дальше будут издеваться над новенькой. Откуда она взялась в конце мая? Это пока неясно, так же как неясно, что стоило выбрать…

Но как можно смотреть, когда девчонка плачет? Особенно, если её обижают и особенно, если она тебе нравится… И ты знаешь, что будешь последний трус, если не заступишься за неё. Сам себя уважать перестанешь.

Если посмеяться вместе с ними и забить на несправедливость, то кем ты будешь после этого? Чувствовать себя так, будто тебя искупали в… Хм, болоте…

И спокойно будет на душе лишь тогда, когда ты сделаешь всё, чтоб помочь другому. Почему? Непонятно… Но только тогда – внутри чистый ручеёк, а не бурлящие потоки наводнения, не взрывоопасная смесь, от которой не знаешь, куда деться… Ведь если молчишь, то предаёшь себя. Свои убеждения, свою веру, свою дружбу, да то, чем ты живёшь! И страх оказаться белой вороной по сравнению с этим – ничто…

А то сегодня унижают девчонку, а завтра - стреляют в твоего лучшего друга… А потом – отнимают у тебя дом. Нет, не надо…дом трогать…

Антон как-то говорил - он читал в книжке, что в мире всё связано. И быть может, заступаясь сегодня за кого-то или даже спасая котёнка, или просто утешая малыша – быть может, ты спасаешь свой дом и своего друга. Потому что в бесконечности большое и малое – равновелико…

Впрочем, об этом ведь задумываешься уже после. И на сердце – или легко от сделанного поступка, или тяжко…

Сашка вздохнул и повозил ложкой в супе. Не хотелось есть.

Друга… Друга… Антон. В памяти всплыл знакомый образ - Тошка в своей неизменной фуражке, с которой он не расставался, с пистолетом - его, Сашкиным подарком, небрежно сунутым за кожаный ремешок. Улыбается, бесстрашно сияя своими глазами, в которых одновременно отражается синева неба и еле заметными искорками скользит тихая печаль. И, внезапно, всё это исчезло, сметенное взрывом полного боли вопроса: «Тошка, ну где же ты?!»

… Папа работает в милиции, он должен знать… Но вчера он взял Сашку за плечи и, глядя ему в глаза и очень спокойно произнес: «Саша, пойми, надежды найти с каждым днем всё меньше и меньше… Вряд ли получится…».

Но разве мог он забыть своего друга?! Всё равно, что забыть себя!

Он думал о нём постоянно. Закроешь глаза и кажется, протяни руку, и вот он – рядом, Антон. Всегда такой добрый, открытый, доверчивый… А потом – потом чёрной тенью приходит вопрос: «Ну неужели, неужели он, Тошка, исчез и не вернётся больше никогда? Неужели его больше нет? Совсем?.. Нет!!!» Сквозь тоску раздается в душе отчаянный, но полный надежды крик: «Антон! Ну где ты?!»

Саша вздохнул. Надежда не умирает вообще, слышал он из фильма «Семьдесят два метра», который смотрел как-то. В любом случае надо жить, ждать, и верить, верить, что он найдется. Учить экзамены (ну кто их придумал?!), иногда помогать маме по хозяйству, рисовать школьную газету к окончанию года, придумывать, а лучше – воплощать в жизнь новые модели планеров, осваивая для этого премудрости компьютерного моделирования. Жить, думать, быть может – искать, а не существовать в безысходности… Ведь не все ещё потеряно. Ведь не доказано же обратное, нет доказательств того, что Антон погиб. А значит – есть надежда… А ещё – ещё светлой и тёплой радостью наполняло Сашкину жизнь сознание того, что у него есть родители! Это – счастье, как оно вдруг нашло его?!

Ему даже ещё не совсем верилось в это… Как хорошо, что отец решил сам зайти в интернат! Он, кажется, говорил, что это ему посоветовала мама…

…Сашка вздрогнул - хлопнула входная дверь. «Папа! - мелькнуло у него в голове, - ой, как я замечтался!»

- Папка, привет! – он повис у него на шее, глядя в смеющиеся счастливые отцовские глаза.

- Здорово, Санёк! Ох, ну и хватка у тебя! Как жизнь молодая?! Ужинали?

- Да нормально, - Сашка вдруг загрустил - это печальной ноткой отозвалась в нём мамина обида. Или тревога… - Нет ещё…

- Та-ак… А чего случилось?

Он вздохнул:

- Ну… Это я виноват… Па-ап, помири нас с мамой, а?

- Помирить? Ну вы даёте, - удивился отец. – Так, ну-ка брысь за уроки. Я сейчас.

Папа снял ботинки и шагнул к маме в комнату. Санёк вздохнул и пошёл делать русский. Завтра – экзамен… Минут десять он сосредоточенно смотрел на вопросы и собирал мысли в кучку – не все конечно, а те, которые относились к русскому. Потом прислушался: из маминой комнаты доносились приглушённые голоса родителей.

«Интересно, о чем они, так долго?» - стал думать он, но вскоре голоса стихли, и в коридоре послышались шаги. Дверь открылась, и в комнату вошёл папа. Молча постоял с минуту, насупив брови. Саша, скрутив стыд, посмотрел отцу в глаза, отвел их…

- Вот что, сынок… Ты маму-то береги. Она у нас одна... Да что я тебе говорю? Вижу ты и сам понимаешь. За ужином расскажешь, что случилось?

- Расскажу, - тихо ответил он.

- Она волновалась за тебя, да и я теперь тоже… Буду… - задумчиво произнес отец.

- Пап, я по делу… Это не развлекуха какая-нибудь. Я расскажу. Мама сердится, да?

- Нет. Просто она плакала и не хотела, чтобы ты это видел… Вот, что, Санёк, - побледнев, сказал папа. Уже другим голосом. - Звонили мне сегодня. Сказали, что видели двух мальчишек, по описанию, один из них, похож на Антона… Завтра поеду туда.

Глава 17.

Один на один.

- Славка, нам нужно сегодня добраться до города. Иначе завтра мы протянем ноги…

Малыш вздохнул:

- Антон, мы успеем… Ведь ещё не вечер…

- В том то и дело. Хотелось бы успеть до темноты… Хотя город уже недалеко. А там попробуем сесть на электричку… Только купим еды сначала.

- Антон, а тот мужчина, лесник, он выживет?

- Я не знаю, Славка… Наверное да, если захочет остаться в этом мире…

Он и сам переживал почему-то. Странно, ведь чужой незнакомый человек, а волнуешься, как за своего отца… Но ведь всё в мире связано… Быть может, сейчас кто-то спас жизнь папе…

- Антон, а я вот всё хотел спросить тебя…

- Что, Славик?

- Антон, а как ты думаешь, Бог есть? А то люди ведь молятся, храмы строят…

- Есть, конечно, - не задумываясь, ответил Антон.

Славка молчал - ждал.

- Славка… - осторожно начал Антон, подбирая слова. – Жизнь она так устроена… Сложно… И Кто-то в мире есть, мудрее и сильнее людей. Да и как можно сравнивать? Бог – Он всё. И мне кажется, что Он очень добрый…

- Это хорошо, если так… - серьёзно сказал Славка.

- Я как-то думал – почему добро? А потом понял, что добро – это созидание.

- Это как?

- Ну, это значит творить, а не разрушать. Делать что-то хорошее… Славка, я ещё многого не знаю совсем. Но мне кажется, что мы не можем исчезнуть, когда умрём. Страшно такое представить.

- Я вообще не могу себе такого представить, что меня когда-нибудь может не быть, – сказал малыш.

Тошка мог. Однажды, засыпая, лежа на холодной постели, он думал о чём-то, и вдруг его осенила мысль: «А ведь и я умру когда-нибудь. И что, исчезну? Совсем?» - сердце замерло в пустоте. Тошка испугался: «Нет, не может такого быть. Что-то будет за смертью. И я тоже - буду…» А если он увидит Бога? Вот было бы здорово… Можно обо всём спросить Его, всё-всё рассказать… Нет, не может он просто так раствориться в пространстве...

- А зачем храмы нужны? – прервал его размышления Славка.

- Ну, храм – это дом. Земной дом для Бога… Ещё там служат службы разные. Молятся… Славка, нужно почитать… Мама мне говорила тогда, что это в Законе Божием написано, да я так и не добрался до него…

- Антон… - совсем тихо вдруг спросил малыш, - а твоя мама не прогонит меня?

У Тошки сердце сбилось с ритма.

- Славка! Да что же ты говоришь такое! Нет конечно!

Малыш молча шмыгнул носом. Крепче взял Тошку. И больше не сказал ни слова…

Река играла серебряными капельками. Манила, звала окунуться в прохладную гладь. Но Тошка не стал купаться и не разрешил Славке. Неясная тревога звенела в нем тихой монотонной нотой. Чувство, что они в лесу не одни. Поэтому ребята ограничились тем, что присели ненадолго отдохнуть, допив всю воду из котелка. Тошку немного грызла совесть, что он забрал его из дома лесника… Но без него – не вскипятишь воды. А значит – снова будешь мучиться от жажды… А он очень боялся той незнакомой усталости, которая накрывала его, когда они шли утром без питья…Сейчас есть вода, но нет еды. Это тоже не лучше, но если без пищи можно потерпеть, то без воды – нет…

Колючий ком в горле никуда не делся. Ноги ломило, голова казалась такой горячей и тяжёлой… Вот лечь бы сейчас тут и не двигаться. Расслабить все мышцы и закрыть

глаза… Но нет, нельзя. Потому что тогда он не поднимется. А значит – не поднимет Славку. А значит, они не дойдут… Нужно вставать.

- Славка, пойдём.

Хоть бы не разболеться… Видимо вчерашняя сырость дала о себе знать. Сейчас бы чаю, горячего, вкусного, с малиной, с сухарями, которые так любил Тошка. Чаю можно было бы сделать... Нет, лучше пройти еще немного, а потом сделать чаю. Хотя может и не стоит разводить костёр, что-то много людей, которые кого-то ищут, встречается им за последние дни…

Мысли несвязанно крутились в голове. Антон машинально шёл вдоль реки. Машинально вслушивался в лесные шорохи. Машинально что-то отвечал Славке. Идти было всё труднее и опять хотелось пить.

- Славка, давай наберем воды из речки и разведем костер.

- Давай, - охотно откликнулся малыш.

Они набрали сухих веточек, Тошка оторвал кусочек коры с поваленной березы. Она была немного влажной, но, потрескивая, медленно стала загораться. Развели небольшой костер. Тошка отыскал две ветки, укрепил их в земле, поперёк положил третью, на неё повесил неполный котелок. Набрал березовых листьев, бросил из в закипевшую воду, чтобы у чая был хоть какой-то вкус… Пока вода остывала, Славка взял тонкую палочку, стал выводить на земле разные слоги. Тошка, приглядевшись, сказал:

- Ну, и чего ты говоришь, что не умеешь? Вот смотри: «ма» и «ма», будет «мама». А вот «То» - «ш» - «ка», будет Тошка. А вот твоё имя…

Скоро весь песок был усыпан разными слогами: мама, папа, дом, Славка, поезд, дорога, человек, Антон, лесник, лес, брат, сок, сосиски, шоколад…. Славка оказался способным учеником. Он очень быстро запоминал всё, что пишет Антон и без труда выводил слова сам. Тошка с удовольствием объяснял ему всё, что знал. Наконец, когда на песке не осталось свободного места, он положил веточку и подошёл к догоравшему костру. Потрогал воду: немного горячая, но пить можно. Протянул котелок Славке, потом сам допил остатки «чая». Боль в горле немного унялась. Желудок затих, наполненный водой. Ненадолго конечно… Тошка залил остатки костра, угли перемешал с песком.

- Ну что, пойдем?

Идти нужно к насыпи. Речка течёт вдоль дороги, значит двигаться нужно так, чтобы её говорливое журчание было за спиной. Ребята поднялись на тропинку...

Жара спала. Лес наполнился свежим дыханием, подул лёгкий ветерок, шагать стало легче. Птичьи голоса подбадривали ребят. Солнце скрылось за ветками деревьев, мигнув им на прощание золотым лучиком. Оставалось выйти к железной дороге, которая, судя по отчётливому стуку колёс нескольких поездов, была уже совсем рядом. А дальше – идти вдоль неё, пока не покажутся огни города…

Славка пыхтел рядом, стараясь не отставать. Антон шёл медленно, и дышал тоже немного шумно: он устал. А ещё, вместе с заходом солнца, опустилась на лес и усилилась в сердце неясная тревога. Непонятное ощущение: он боялся. Чего – он и сам не мог понять… Он шёл и думал, пытаясь разобраться в себе: откуда это гнетущее чувство и что бы оно значило. Ответа не было: тоскливая нотка гудела, не стихая. И он совсем не удивился, когда услышал шаги позади себя и отчетливый звук затвора...

Оглянулся. И замер, крепко прижав к себе Славку: перед ним стоял незнакомый мужчина, наведя на них чёрное дуло пистолета. Чёрная потёртая кожаная куртка, серые джинсы, тусклые, мрачные глаза, обтянутые кожей скулы: всё это делало его страшным в потемневшем воздухе вечернего леса.

- Что вам нужно? – крикнул Антон и почувствовал, как затвердели Славкины плечи.

- Попались птенчики… Не двигаться! – быстро сказал человек, заметив движение Антона.

«Кто это?! Маньяк? Убийца? Тот, кто подстрелил сегодня лесника? Или…» - бились в голове догадки.

- Одну птичку я уже подстрелил, да нашёл ещё. Сегодня удачная охота…

- Послушайте, - как можно спокойнее сказал Антон, - что вам нужно? Деньги? Отпустите нас пожалуйста… У меня есть фотоаппарат, деньги, давайте я отдам вам…

- Заткнись, соплесос. Сейчас, мы поиграем… - зловещим голосом отозвался тот и направил пистолет на Славку, - ну-ка, поди сюда, мальчик…

Тошка сам не понял, что с ним произошло. Прыжок, резкий удар по руке с дулом, туда, вправо, чтоб не задело Славку, сухой щелчок выстрела… Резкий, отвратительный запах, потные руки схватили его за ворот, но как бы не так! Он двинул коленом, услышал

озверелый хрип, почувствовал, что падает: тяжелое тело навалилось на грудь, сбилось дыхание… Отчаянную возню остановил выстрел… В наступившей тишине зазвенел тонкий металлический голос:

- Руки! Убери руки, скотина... Стоять! Я стреляю!

Мужчина поднялся, Антон медленно встал. В паре шагов он увидил Славку. И не узнал его. Малыш стоял, расставив ноги, сжав губы - его славные губёшки, которые складывались в такую ласковую улыбку, теперь были сжаты в тонкую черту. Серые глаза смотрели с незнакомым прищуром. Между бровей тенью легла складка.

- Стоять, сволочь! – жёстко сказал он, увидив, что маньяк сделал шаг. Щёлкнула сухая пыль возле его ног. Незнакомец взвыл и остановился на месте.

- Только шевельнись – будет по тебе! Мне терять нечего! Антон, сюда!

Тошка уже стоял рядом со Славкой. Осторожно взял пистолет из его рук. Рукоятка была горячей и мокрой.

- Руки, - отчетливо сказал он бандиту, потом вполголоса, - Славка, беги!

- Антон, нет! - помотал головой малыш.

- Славка, беги! Поднимешься на насыпь и увидишь огни. Беги, зови людей, кого-нибудь!

Малыш помедлил с минуту, маньяк сделал шаг и тут же присел, вскрикнув: выстрел щёлкнул по грязному кеду.

- Вас предупреждали, - крикнул Антон, снова взвел затвор и поднял пистолет. Снова повторил малышу очень строго, - Славка, пожалуйста, быстрее! Я пойду вдоль рельсов. Славка, беги! Ну!

Малыш на секунду поднял глаза и рванул, не оглядываясь. Ох, никогда не забудет Тошка этого взгляда… Лучше б его не видеть: такая горечь была в них, такое отчаяние… Вернётся ли? Сердце упало.

Теперь он один. Один на один с жутким человеком…

Может быть, он спит? Тошка тряхнул головой, до боли закусил губу. Нет, не спит: вот он, бандит, в двух метрах от него. Вот его бешеный взгляд в сумерках неодобрительно молчавшего леса. Руки наливались тяжестью оружия. Выбросить бы эту пакость…

- Ну? – подал голос маньяк, - что будем делать мальчик? И разразился таким потоком нецензурных слов, что у Тошки покраснели уши и пробежали мурашки по спине.

- Вперёд, - железно сказал Антон. – Живо. Нет, к рельсам.

Поравнявшись с человеком, он вытянул руку, уперся дулом между его лопаток.

- Вперед, - снова повторил он. – Если обернёшься, я стреляю. Сразу, - очень спокойно сказал он и ощутил весь ужас принятого решения.

Медленно, очень медленно, прихрамывая, человек направился к рельсам. Антон давил дулом между лопаток и, как говорят, - шкурой ощущал страшное напряжение, ярость маньяка. И ведь придется стрелять, потому что если тот оглянется, жутко представить, что он сделает.

Между тем, маньяк ускорил шаг. Теперь он шёл почти бегом, и Антон еле поспевал за ним. Впереди уже светились разноцветные огни, долго он так не протянет, - грудь сдавливало, голова кружилось, а ноги плохо слушались. Ещё и руки устали держать пистолет… Может, человек рассчитывал, что он устанет?

- Если будете идти так быстро, то с жизнью расстанетесь быстрее, чем мы дойдём до города, - сказал Антон. Человек замедлил шаг, громко выругавшись.

Вечная дорога. Огни не приближались. Антон споткнулся, ткнув пистолетом маньяка. В глазах мелькали белые мушки. Голова кружилась так, что его покачивало. Страшный выбор своей тяжестью давил на разум. «Господи… Господи, не дай мне убить человека! Я не хочу… И мне не дай умереть…», - только и мог думать он. Что же делать?!

Тяжёлый мерзкий страх сковывал тело и непонятно было, чего он боялся больше: убить или быть убитым самому… «Господи… Я ведь так и не увидел мамы… И Славка, хоть бы он не пропал…». Сумерки сгущались. Рука, державшая пистолет дрожала от усталости. Мысли путались.

- Да ты сам подохнешь, - услышал он.

- Вы хотите проверить, кто первый?- Антон поменял руку, снова упёрся стволом пистолета в кожаную куртку…

Огней становилось больше . А Тошка понял, что идти он дальше не может… Совсем…Ещё немного, ну…

Темнота наваливалась. Окутывала его. Растворяясь в ней, он автоматически делал шаги. Человек впереди замолчал и пошёл медленнее, припадая на правую ногу… Тошка споткнулся второй раз. Выпрямляясь, увидел, искаженное злобой лицо. Поднял пистолет…

Внезапно, резкий рывок, вывернувший ему руку, заставил его вскрикнуть. Воздух стал тугим от боли. Земля врезалась в колени… И, сквозь затягивавшую его черноту, в тускнеющее сознание слепящим светом ворвался рёв мотора, отчаянный скрип тормозов, звенящий голос:

- Нет!!! Анто-он, держись!..

Затем всё стихло и стало совсем темно.